

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности»

Обучающийся

М.Н. Сашин

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Л.В. Макаров

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность исследования. С учетом обострения геополитических противоречий между государствами, активных попыток воздействия негосударственных организаций на российское общество и государство, а также вследствие интенсивного информационного воздействия через средства массовой коммуникации, в российском обществе фиксируется рост социальной напряжённости и активизация деятельности радикально настроенных групп населения. В таких условиях обеспечение общественной и государственной безопасности приобретает ключевое значение в системе приоритетов уголовно-правовой политики.

Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ особенностей уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности. Также исследование направлено на формулирование обоснованных предложений по совершенствованию законодательного регулирования и оптимизации практики применения уголовного закона.

Задачи исследования – проанализировать понятия экстремизм, экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности и подходы к их толкованию, проанализировать основные виды преступлений экстремистской направленности, проанализировать признаки объекта и объективной стороны преступлений экстремистского характера, проанализировать признаки субъекта и субъективной стороны преступлений экстремистского характера, выделить и проанализировать проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности, предложить направления совершенствования законодательства об уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.

Структура дипломной работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.....	7
1.1 Понятие и сущность преступлений экстремистской направленности	7
1.2 Виды преступлений экстремистской направленности.....	18
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской направленности	28
2.1 Объективные признаки преступлений экстремистской направленности	28
2.2 Субъективные признаки преступлений экстремистской направленности	40
Глава 3 Проблемы института уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности	48
3.1 Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности	48
3.2 Предложения в области совершенствования законодательства об уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности	61
Заключение	69
Список используемой литературы и используемых источников.....	72

Введение

Актуальность исследования. С учетом обострения геополитических противоречий между государствами, в том числе в контексте военного конфликта на территории Украины, активных попыток воздействия негосударственных организаций на российское общество и государство, а также вследствие интенсивного информационного воздействия через средства массовой коммуникации, в российском обществе фиксируется рост социальной напряжённости и активизация деятельности радикально настроенных групп населения. В таких условиях обеспечение общественной и государственной безопасности приобретает ключевое значение в системе приоритетов уголовно-правовой политики.

В соответствии со статьёй 19 Конституции Российской Федерации в России государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Статьёй 29 Конституции Российской Федерации устанавливается свобода слова и мысли. Законодатель запрещает любые формы идеологического или публичного утверждения исключительности либо превосходства одной социальной группы над другими. Соответственно, равноправие, свобода слова и мысли выступают одними из важнейших ценностей в Российской Федерации, которые нуждаются в защите абсолютно во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в рамках уголовного права посредством закрепления ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства [14].

Степень разработанности исследования. Вопросами уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности занимались такие авторы как А.О. Безроков, Н.Ф. Бодров, С.В. Борисов, М.А. Яворский, Ю.А. Королёв, И.С. Макеева, Ю.С. Магнутов и другие. Учитывая наличие обширного круга научных публикаций, посвящённых вопросам противодействия преступлениям экстремистской направленности, а также проблемам обеспечения общественной и государственной безопасности, сохраняется объективная потребность в дальнейшем теоретико-прикладном осмыслении данной тематики. Это обусловлено трансформацией форм и способов проявления экстремизма в условиях стремительно изменяющейся общественно-политической среды. Современные вызовы, сопряжённые с распространением радикальных идеологий, требуют непрерывного обновления научных подходов и правоприменительной практики.

В качестве объекта исследования в данной работе выступают общественные отношения, которые возникают относительно уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.

Предметом исследования выступают уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления экстремистской направленности, правоприменительная практика в данной сфере, современные теоретические разработки, труды отечественных авторов о данных преступлениях.

Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ особенностей уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности. Также исследование направлено на формулирование обоснованных предложений по совершенствованию законодательного регулирования и оптимизации практики применения уголовного закона.

Указанная цель исследования обусловила необходимость решения ряда задач, а именно:

- проанализировать понятия экстремизм, экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности и подходы к их толкованию;
- проанализировать основные виды преступлений экстремистской направленности;
- проанализировать признаки объекта и объективной стороны преступлений экстремистского характера;
- проанализировать признаки субъекта и субъективной стороны преступлений экстремистского характера;
- выделить и проанализировать проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности;
- предложить направления совершенствования законодательства об уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.

Теоретической основой исследования являются работы таких ученых, как А.Г. Малахов, Р.Д. Кузнецов, А.О. Безроков, Н.Ф. Бодров, С.В. Борисов, Р.Ф. Гарифуллина, Л.В. Коростелева, Ю.А. Королёв, И.С. Макеева, Ю.С. Магнутов, М.А. Яворский и другие.

Методологическую основу составляют общенаучные методы анализа, синтеза, формальной логики, абстрагирования, дедукции, индукции, классификации, а также специальные методы: системно-структурный, формально-юридический, юридической герменевтики, аксиологический.

Нормативную основу исследования составляют: Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ и другие нормативно-правовые акты.

Структура дипломной работы включает в себя введение, основную часть, которая состоит из трех глав, заключения, а также списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности

1.1 Понятие и сущность преступлений экстремистской направленности

В современном научном дискурсе отсутствует унифицированное определение феномена экстремизма и преступлений экстремистской направленности. Главным образом, разнородность дефиниций порождает ряд системных затруднений.

Осложняется формулирование объективных критериев и вследствие чего возникают затруднения их дифференциации со смежными противоправными посягательствами, обладающими сходными признаками. Дискурс демонстрирует пестроту подходов. Одни авторы ограничивают экстремизм исключительно насилием или угрозой его применения, другие настаивают на включении идеологических и пропагандистских форм без обязательного насильственного элемента.

В современной российской научной мысли и правоприменительной практике сфера экстремистских преступлений постепенно расширяется. Это изменение обусловлено взаимосвязанными причинами, а именно сложностью и многомерностью социальных процессов, радикализацией отдельных групп населения, развитием уголовного законодательства, направленного на оперативное реагирование на новые угрозы.

Для всестороннего понимания феномена преступлений экстремистской направленности необходимо разработать надежную систему понятий и признаков, применимую исключительно к данному виду преступлений. Выявление и формулирование таких признаков является необходимым условием для надлежащего разграничения экстремистских преступлений от иных уголовно наказуемых деяний, не обладающих аналогичной идеологической или социальной направленностью.

Также для выработки корректного определения преступлений экстремистской направленности следует дать определение понятию «экстремизм», так как именно оно является ключевым для понимания сущности указанных деяний.

Итак, «экстремизм» восходит к латинскому слову *extremus*, означающему «крайний», «предельный». В авторитетных лексикографических источниках он, как правило, формулируется в значении приверженности радикальным убеждениям и методам либо в широкой интерпретации как жёсткая форма выражения идей и действий, выходящая за пределы умеренного политического или социального дискурса [35].

В ст. 1 Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» отечественный законодатель перечисляет тринадцать категорий экстремизма:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение территориальной целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 УК РФ;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [42].

Конкретизирует положения Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. №1124

«Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации» [39]. Исследователи замечают, что указ вводит понятие «экстремистские проявления», определяя его как противоправные действия, совершённые из политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти и создающие угрозу конституционному строю, территориальной целостности и обострению межнациональных конфликтов. Сильной стороной приведённого определения является смещение акцента. Экстремизм интерпретируется не как инструмент урегулирования конфликтов, а как совокупность действий, эти конфликты продуцирующих [47, с. 165].

Исследователи рассматривают Федеральный закон № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. как исходный нормативный каркас всей российской антиэкстремистской политики. Многие авторы вступают в научную полемику, оценивая как саму сущность термина «экстремизм», так и правомерность и обоснованность его применения.

Так, например, Ю.В. Печатнова, М.А. Стародубцева и А.П. Пинчук в своей совместной работе предлагают три подхода к рассмотрению проблемы определения экстремизма - философской, социально-политической и формально-юридической. Авторы акцентируют «крайность» как квинтэссенцию явления. В философском отношении экстремизм представляет собой агрессивную форму монополии на мнение, основанную на радикальном отрицании плюрализма и оправдании насилия против идеологических оппонентов. В социально-политическом измерении экстремизм интерпретируется как насильственная борьба за передел властных ресурсов. На юридическом уровне экстремизм, по мнению авторов, сводится к совокупности преступлений и административных проступков, перечисленных в Федеральном законе № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. Тем самым указанные исследователи демонстрируют, что экстремизм нельзя редуцировать к единственному измерению. Он представляется синтетическим феноменом крайности мировоззрения и силового метода [24, с. 69-70].

Ю.С. Магнатов выступает апологетом формулировки Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ и относится к ней аксиоматически. Автор не формулирует собственное определение экстремизма, а отсылает к легальному определению «экстремистской деятельности», зафиксированному в российском законодательстве. [19, с. 160].

Также Ю.С. Магнатов отмечает, что определение экстремизма в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ выступает фундаментальной правовой основой для криминализации специфических организованных форм экстремистских действий. Автором подчёркивается, что за почти два десятилетия действия указанного закона удалось сформировать и закрепить конкретные уголовно-правовые механизмы. При этом Ю.С. Магнатов констатирует, что в силу продолжающегося роста протестных движений и уровня организованности экстремистских структур возникает необходимость не только в последовательном устранении имеющихся правовых коллизий, но и в углублённой дифференциации ответственности за преступления экстремистского характера [18, с. 192].

М.А. Темирханов и Т.Х. Джумаев в исследовании нормативного регулирования воспроизводят законодательно закреплённый перечень экстремистских действий и используют его как достаточное и необходимое определение экстремизма, подчёркивая, что именно этот список служит ориентиром для квалификации и правоприменения. Критики закона авторы не выдвигают, полагая что указанные в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. категории корреспондируют с угрозами государственной и общественной безопасности [34].

М.А. Темирханов, Т.Х. Джумаев и Ю.С. Магнатов являются типичными представителями формально-юридического подхода. Легальное определение, по их убеждению, исчерпывающее. Соответственно, любое уточнение сути экстремизма, по мнению сторонников указанного подхода, должно осуществляться не путём расширения понятийного поля, а посредством детального толкования уже имеющегося списка и корректировки уголовно-

правовых составов. Противоположный лагерь формируют исследователи, критикующие перечневой подход закона.

В частности, А.А. Беженцев и В.Р. Лебедев пишут, что в тексте закона понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» фактически употреблены как синонимы, тогда как терроризм, тесно связанный с экстремизмом, упомянут лишь фрагментарно. Более того, столь ключевое для правоприменения понятие «экстремизм» в законе вообще не раскрывается, а определение «экстремистской деятельности» сформулировано настолько широко, что охватывает неопределённо широкий перечень возможных деяний, тем самым создавая значительные риски для правовой определённости. А.А. Беженцев и В.Р. Лебедев предлагают рассматривать экстремизм прежде всего, как феномен идейно-ценностного порядка. В их интерпретации это не разрозненная последовательность противоправных поступков, а целостная система убеждений, подпитываемая радикальной идеологией. [4, с. 37-38].

В исследовании Н.Р. Асмандияровой и Р.Ф. Гарифуллиной Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ оценивается критически. Учёные подчёркивают, что в законе термины «экстремизм» и «экстремистская деятельность» приведены как взаимозаменяемые, то есть фактически отождествлены. По их мнению, подобная синонимизация методологически неверна, поскольку стирает границу между идеологией и её практической реализацией. Авторы настаивают, что сущность экстремизма является дуалистичной, а его понятие более широким, включающим не только противоправные действия, но и одобряющую их идеологию. Экстремистская деятельность же представляет собой лишь одно из проявлений этой идеологии [3, с. 125-126].

Критики догматического подхода указывают на его ограниченность и неспособность отразить сложную природу экстремизма через перечисление положений. Исследователи отмечают, что формальный перечень деяний не раскрывает сущность радикальной активности и не учитывает многообразие

форм её проявления. В частности, критикуется сведение «экстремизма» и «экстремистской деятельности» к равнозначным понятиям. С этой точки зрения, нормативные определения нуждаются в содержательном расширении и концептуальной переоценке.

Дискуссия о природе и правовом регулировании экстремизма утрачивает свою научную ценность, если в ней игнорируется социально-политический аспект. Само явление экстремизма по своей сути не сводится лишь к нарушению норм права, так как оно является отражением глубоких социальных противоречий. Более того, сама юридическая интерпретация экстремизма зачастую политизирована и оценочна. Включение определённых деяний в перечень экстремистских далеко не всегда обусловлено нейтральными правовыми критериями, а нередко продиктовано соображениями жизненно важных интересов государства. В связи с вышеперечисленным имеет место социально-политический подход исследователей к рассмотрению проблемы сущности экстремизма.

Так, например, Э.Э. Сулейманов и Л.А. Камалиевой описывают экстремизм через нелегитимное политическое насилие. Авторы подчёркивают, что экстремисты применяют противоправные насильственные методы для осуществления своих политических целей, например, свержения конституционного строя или разжигания межнациональной ненависти. По их мнению, экстремистская деятельность представляет собой не единичный акт, а системную кампанию, ориентированную на перераспределение власти [33].

А.В. Штефан раскрывает экстремизм как сложное и деструктивное социально-правовое явление, центральным стержнем которого служит радикальная идеология имморализма. Этой идеологии присуще стремление отвергнуть любые альтернативные ценности и мировоззрения, навязать обществу собственную волю и моральные предписания, причём навязывание осуществляется противоправными способами, тем самым формируется атмосфера непримиримости и нетерпимости к целым группам населения. По сути, экстремизм функционирует как систематическая девиантность.

Экстремизм, по мнению автора, созидает идейную базу, из которой могут вырастать практики насилия, включая терроризм, но не сводится к ним, ибо его главная опасность заключается в долговременном подрыве конституционных оснований общественной жизни. Феномен экстремизма экстраполирует своё влияние на политические, экономические, культурные, религиозные аспекты жизни, что делает его одной из наиболее серьёзных угроз национальной и общественной безопасности. А.В. Штефан утверждает, что ключ к пониманию феномена, должен исходить именно из его сущностной характеристики как антисоциального явления, включающее в себя идеи нетерпимости и насилия, стремящегося трансформировать социум посредством разрушения существующих норм и институтов [48, с. 93].

Обобщая аргументацию исследователей, придерживающихся социально-политического подхода, можно заключить, что экстремизм представляется не как случайный всплеск насилия, а как сознательное и целенаправленное стремление радикально изменить существующий общественный порядок путём отказа от признанных норм и правил. В его основе лежит убеждённость, что желаемые цели недостижимы легальными и конвенционально моральными средствами.

Вместе с тем, политический подход имеет и существенные ограничения. Его главный недостаток - это редукция сложного и многослойного феномена до уровня политической борьбы. В этой логике упускается субъективный, экзистенциальный и культурно-психологический уровень, на котором и формируется радикализм. В науке также выделяют философский подход в определении экстремизма.

К примеру, К.Д. Гончаренко, Е.И. Салганова и А.А. Тараданов рассматривают экстремизм через нигилистический дискурс и дают ему предельно лаконичное определение: «Нигилизм есть религия, имеющая верой благополучие от экстремизма и культом радикальной маргинальности». Из этой формулировки следует, что авторы понимают экстремизм как сакрализованную практику нигилизма, где «благополучие» достигается не

через созидание, а через радикальное отрицание существующих норм и ценностей. Культom экстремизма становится прославление маргинальности и готовность к разрушению социального порядка ради заявленной исключительности [9, с. 107-108].

А.Г. Малахов избегает прямого юридического определения, вместо этого он рассматривает экстремизм с позиций этики, аксиологии и даже онтологии. Автор, ссылаясь на Платона и Аристотеля трактует экстремизм как чрезмерность, безмерность и нарушение гармонии в личностном, социальном и культурном бытии. Это онтологическое состояние, выходящее за пределы соразмерного, сбалансированного и упорядоченного, то есть того, что древние греки называли «космос» - порядок, распространяющийся как на отдельно взятого человека, так и на общество [21, с. 233-234].

Рассмотрение экстремизма на философском уровне демонстрирует, что в основе радикального поведения лежит не только политический расчёт и криминальное намерение, а гораздо более глубокий ценностный сбой. Нигилистическое отрицание, утверждение исключительности и социальная маргинальность возводятся экстремизмом в культ. Философский подход раскрывает глубинную сущность экстремизма, которая заключается в уничтожении порядка, а затем заполнением пустоты своей радикальной идеологией.

В международном праве нормативное описание экстремизма предложено участниками Шанхайской организации сотрудничества. Уже в ст. 1 Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Экстремизм определяется как деяние, «направленное на насильственный захват либо удержание власти, насильственное изменение конституционного строя государства, равно как и насильственное посягательство на общественную безопасность, включая создание в указанных целях незаконных вооружённых формирований или участие в них» [45].

Данное определение чрезмерно узкое. Оно практически игнорирует пропагандистские и идеологические формы радикализма, поскольку все элементы сводятся к насильственному посягательству на власть или безопасность. Тем самым вне правового поля оказываются деяния, основанные на разжигании розни и ненависти, но не сопровождающиеся непосредственным насилием.

Также находятся исследователи, которые критикуют Шанхайскую конвенцию от 15 июня 2001 г. с аспекта широкого определения преступного деяния в отношении государственной власти. В частности, В.А. Хабаров пишет, что широкая дефиниция не может быть полностью реализована в рамках правового поля нашего государства, поскольку не всякое действие с формальными признаками противоправности подпадает под существующие уголовно-правовые нормы. Автор воспринимает конвенционное определение как полезный ориентир, но считает его избыточным без адаптации к нормотворческим реалиям России [44, с. 51].

Существенное расширение концепта предложено в конвенции Шанхайской организации сотрудничества «По противодействию экстремизму» от 9 июня 2017 г. В данной конвенции экстремизм трактуется как «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путём насильственных и иных антиконституционных действий» [13].

Такая формулировка демонстрирует переход от чисто силовой парадигмы образца 2001 г. к комплексному взгляду, делающему акцент на дихотомию идеологии и практики. Конвенция вводит инновационное разделение «экстремизм» и «экстремистский акт», разграничивая радикальную идеологию и конкретные противоправные деяния, образующие состав преступления.

Таким образом, рассмотрев экстремизм с различных аспектов можно сказать, что экстремизм целесообразно понимать, как ценностно-идеологическую модель. Это не действие, а мировоззренческий комплекс, в

основе которого лежит абсолютное отрицание легального и общественного порядка, сопряжённое с убеждённой в собственной исключительности и допущением насильственного воздействия на социальный порядок ради утверждения «единственно верной» модели устройства общества.

Экстремистская деятельность представляет собой внешнюю проекцию экстремистской модели. Она охватывает всю совокупность публичных действий, которые преследуют цели, рождаемые экстремистской идеологией.

Законодатель, формулируя перечень Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. стремился охватить максимально широкий спектр проявлений экстремистской деятельности, террористической деятельности, включая административные правонарушения и уголовные преступления. За преступления экстремистской направленности, исходя из понятийного компонента «преступление» следует уголовная ответственность в соответствии с УК РФ. При обнаружении несоответствий между содержанием Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. и УК РФ нужно придерживаться принципа «*lex specialis derogat generali*», согласно которому при коллизии норм применяются положения, закреплённые в специальных актах, а для реализации уголовно-правовой ответственности таким актом является уголовный закон.

Преступления экстремистской направленности – это часть более широкого понятия «экстремистская деятельность», так как не все формы проявления экстремизма обладают признаками, необходимыми для признания их преступлениями.

В примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ законодатель даёт обобщающее определение «преступлений экстремистской направленности», связав их с мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно ненависти или вражды к какой-либо социальной группе, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и пунктом «е» части первой статьи 63 УК РФ [38].

С.А. Шерстюков определяет преступления экстремистской направленности как уголовно-наказуемые деяния, совершённые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной либо социальной ненависти или вражды и тем самым нацеленные на причинение вреда, унижение либо дискриминацию лиц, идентифицируемых по соответствующему групповому признаку. Ключевой признак этих посягательств он видит не в их материальном объекте, а в специфической мотивации, которая трансформирует любое общеуголовное действие в угрозу конституционным принципам [46, с. 174].

Преступления экстремистской направленности образуют самостоятельный кластер уголовно-правовых запретов, определяющихся не только внешней формой их реализации, но прежде всего идеологически мотивированным целеполаганием. Ключевыми признаками выступают устойчивый мотив и цель ненависти либо вражды к социальной группе. Именно такая мотивационная направленность, сопряжённая с целью дестабилизации основ конституционного строя, придаёт данным деяниям повышенную степень общественной опасности.

1.2 Виды преступлений экстремистской направленности

Формирование исчерпывающего перечня преступлений экстремистской направленности сталкивается с рядом затруднений. Прежде всего, этому препятствует размытость нормативных формулировок, закреплённых в действующем законодательстве, а также отсутствие единой научной позиции относительно критериев отнесения тех или иных деяний к указанной категории. Согласно примечанию 2 к статье 282.1 УК РФ под преступлениями экстремистской направленности следует понимать те составы, положения которых содержатся в Особенной части УК РФ и где наличие экстремистского мотива выступает в качестве квалифицирующего признака [38].

Подобный подход акцентирует значимость субъективной стороны преступления, связанной с экстремистской идеологией. В соответствии с примечанием, к числу экстремистских преступлений может быть отнесено любое деяние, совершённое по мотивам ненависти или вражды, даже в тех случаях, когда соответствующее основание прямо не указано в диспозиции статьи.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» является ключевым источником официального толкования, в котором сформулированы подходы к правоприменению в отношении указанной категории уголовных дел. Особое значение имеет пункт 2, в котором раскрываются признаки, позволяющие квалифицировать деяние как преступление экстремистской направленности, а также определяется перечень норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, подлежащих применению. В указанный перечень включаются как статьи, содержащие прямое указание на экстремистскую деятельность, так и положения, в которых экстремистская мотивация выступает в отягчающего обстоятельства, предусмотренного пунктом «е» части первой статьи 63 УК РФ [26].

Правоохранительные органы предпринимают попытки выработать системный подход к определению перечня преступлений экстремистской направленности, отражённый в совместном указании Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [40]. Положения данного акта позволяют составить классификацию преступлений экстремистской направленности, опираясь как на признаки состава, так и на специфику идеологической направленности деяний.

Например, Е.Ю. Орлова пишет: «Основываясь на данное указание, преступления экстремистской направленности, на наш взгляд, можно классифицировать следующим образом:

- преступления, которые имеют квалифицирующий признак в соответствующей статье Особенной части УК РФ, указывающий на экстремистский мотив: п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ; ст. 116 УК РФ; п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ; ч. 2 ст. 119 УК РФ; ст. 136 УК РФ; ч. 4 ст. 150 УК РФ; п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ; ч. 2 ст. 214 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ; ст. 357 УК РФ;
- преступления, направленные против основ конституционного строя и безопасности государства: ст. 280, ст. 280.1, ст. 282, ст. 282.1, ст. 282.2, ст. 282.3 УК РФ;
- преступления, предусмотренные статьями УК РФ, в диспозициях которых нет прямого указания на экстремизм, но данный мотив подтвержден в ходе расследования преступления: ч. 3 ст. 111, ч. 4 ст. 111, ст. 141, ст. 142, ст. 142.1, ст. 148, ст. 149, ст. 167, ст. 212, ч. 2 ст. 213, ст. 239, ст. 243, ст. 278, ст. 279, ст. 335, ст. 336, ст. 354.1 УК РФ» [23, с. 155-156].

Таким образом, указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации выполняет методологическую функцию, обеспечивая точное разграничение преступлений по признаку экстремистского мотива и цели, содействует формированию единой правоприменительной практики в данной сфере.

В научной литературе предпринимаются попытки классификации преступлений экстремистской направленности, направленные на формирование целостной системы, позволяющей не только теоретически осмыслить данную категорию деяний, но и обеспечить их единообразную правовую оценку. Объединяющим элементом большинства авторских подходов выступает стремление выявить степень нормативного закрепления

экстремистского мотива в уголовно-правовых нормах, а также выделить преступления с основным экстремистским составом и деяния, обладающие лишь косвенными признаками экстремистской направленности в отдельные группы.

Классификацию преступлений экстремистской направленности, ориентированную на нормативное закрепление и практику их квалификации предлагает В.В. Бычков. Автор дифференцирует такие преступления по трем основным группам:

- «преступления, в которых экстремизм является частью основного состава деяния: ст. 136, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, ст. 280.1, ст. 282, ст. 282.1, ст. 282.2 и ст. 282.3 УК РФ;
- преступления, в которых экстремистский мотив выступает квалифицирующим признаком: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «ж» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ;
- иные преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [8, с. 37-38].

Е.В. Алехин выделяет несколько видов преступлений экстремистской направленности, опираясь на совокупность объективных и субъективных признаков, а также на нормативные критерии, установленные уголовным законодательством Российской Федерации. Помимо базовой классификации, автор обращает внимание на наличие экстремистского мотива как квалифицирующего признака, который может не фигурировать в диспозиции конкретной статьи, но выступать в качестве отягчающего обстоятельства по статье 63 УК РФ. Прежде всего, Е.В. Алехин классифицирует преступления по трём основным блокам:

- «преступления против личности, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 111

УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, ст. 116 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 119 УК РФ, ст. 136 УК РФ, п. «г» ч. 4 ст. 150 УК РФ;

- преступления против общественной безопасности и общественного порядка, совершённые из экстремистских побуждений: п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, ч. 2 ст. 214 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ;
- преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, изначально обладающие экстремистским содержанием: ст. 280 УК РФ, ст. 280.1 УК РФ, ст. 282 УК РФ, ст. 282.1 УК РФ, ст. 282.2 УК РФ, ст. 282.3 УК РФ» [1, с. 27-28].

В свою очередь, В.В. Попов придерживается более узкого подхода и предлагает две группы преступлений экстремистской направленности. Преступления, прямо отнесённые к экстремистским составам, предусмотренные статьями, где экстремизм упомянут напрямую в диспозиции, - это статьи 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ. Данные статьи отражают борьбу с экстремистской деятельностью в её наиболее типичных проявлениях. И преступления, совершённые с экстремистским мотивом, которые не содержат в диспозиции ссылки на экстремизм, однако в силу ст. 63 УК РФ мотив ненависти или вражды может быть признан отягчающим обстоятельством. Таким образом, при наличии доказанного экстремистского мотива деяние приобретает дополнительную общественную опасность, не меняя своей квалификации [25, с. 386-387].

Классификация преступлений экстремистской направленности, предложенная А.Ю. Поповым, логически структурирована и стремится охватить как явно экстремистские деяния, так и преступления, содержащие соответствующий мотив. Стоит отметить, что классификация сохраняет элемент неопределённости в отношении пограничных случаев, где мотив ненависти не закреплён в диспозиции.

В.Е. Зварыгин и А.С. Кондаков предлагают расширенный подход к классификации преступлений экстремистской направленности. Авторы

обосновывают необходимость выделения нескольких критериев классификации, ссылаясь на отсутствие универсального легального определения данной категории деяний, а также на её комплексный характер. В качестве одного из оснований дифференциации авторы рассматривают объект уголовно-правовой охраны, на который направлено противоправное посягательство:

- «на жизнь и здоровье: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, п. «а» ч. 2 ст. 119 УК РФ;
- на конституционные права и свободы ст. 136 УК РФ;
- на семью и несовершеннолетних ч. 4 ст. 150 УК РФ;
- на общественную безопасность: ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214 УК РФ;
- на здоровье населения и нравственность п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ;
- на конституционный строй и безопасность государства: ст. ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ» [11, с. 363-365].

Также, В.Е. Зварыгин и А.С. Кондаков выделяют три группы преступлений экстремистской направленности:

- «преступления, прямо обозначенные в Федеральном законе № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности»;
- преступления, совершаемые по мотиву ненависти или вражды к определённой группе;
- преступления террористической направленности как предельная форма экстремизма» [11, с. 367].

Безусловным достоинством предлагаемой авторами классификационной концепции является её структурная логичность и многоуровневый характер. Исследователи стремятся не ограничиваться формальным перечнем статей, а выстраивают типологию на основе существенных признаков преступлений, включая мотив, степень общественной опасности и идеологическую направленность деяния.

Следует отметить, что включение в категорию преступлений экстремистской направленности деяний, совершённых с экстремистским мотивом по п. «е» ч. 1 статьи 63 УК РФ, позволяет комплексно охватывать широкий круг общественно опасных посягательств. Такой подход способствует более полному отражению идеологически мотивированной направленности деяния, даже если внешне оно не содержит очевидных признаков экстремизма, тем самым предотвращая латентные проявления социальной розни.

Несмотря на теоретическую проработанность предложенных классификаций, они вызывают определённый скепсис. Один из ключевых недостатков подобной типологии заключается в том, что она опирается на многослойный и перегруженный понятийный аппарат. Подобная структура была призвана компенсировать размытость легальных формулировок, однако эта цель не была достигнута в полной мере, поскольку в основу классификации легли те же самые нормативные конструкции, которые изначально не обладают чёткими границами.

Объединение преступлений экстремистской и террористической направленности в рамках единой классификационной модели вызывает обоснованные методологические сомнения. Попытки интерпретировать терроризм как предельную форму экстремизма влекут за собой терминологическую неопределённость, поскольку правовые режимы, регулирующие указанные категории деяний, существенно различаются. В частности, в действующем законодательстве отсутствует легальное определение экстремизма, что затрудняет его правовую квалификацию и создаёт риски произвольного толкования. Вместе с тем в Федеральном законе от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» содержится чёткое нормативное определение терроризма, обладающее самостоятельным содержанием и служащее основанием для правовой оценки соответствующих деяний. При таких условиях прямое сопоставление экстремизма и терроризма, игнорирующее различия их правовой природы, представляется теоретически

необоснованным и практически некорректным. Согласно указанному Федеральному закону: «терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [41].

Неоднозначной также представляется идея включения в классификацию преступлений экстремистской направленности исключительно на основании ведомственных указаний. Подобный подход ослабляет юридическую определённость и может вступать в противоречие с принципом верховенства закона, поскольку закреплённый перечень преступлений приобретает факультативный и условный характер, а не нормативную обоснованность, подтверждённую законодательной процедурой.

Как можно заметить, авторы придерживаются трёхступенчатой структуры классификации преступлений экстремистской направленности. Как правило выделяются преступления, экстремистский состав которых указывается в диспозиции статьи и преступления, имеющие экстремистский мотив как квалифицирующий признак. Третья группа классификации, как правило, обозначается как «иное» и включаемые в неё статьи УК РФ разнятся от автора к автору, что внушает скепсис в отношении необходимости существования такой классификационной группы. Здесь не следует множить сущности без необходимости.

С учётом научно-правового анализа, наиболее аргументированным следует признать ограничительный подход к определению круга преступлений экстремистской направленности. Данный подход исходит из необходимости относить к указанной категории лишь те деяния, которые прямо предусмотрены в статьях 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 и 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также в пункте «е» части первой статьи 63 УК РФ. В этом контексте наличие экстремистского мотива не

образует самостоятельного состава, а выполняет функцию квалифицирующего признака, выступая в качествеотягчающего обстоятельства, что уже нашло нормативное закрепление в упомянутой норме статьи 63 УК РФ. Попытки расширительно толковать понятие преступлений экстремистской направленности за счёт включения всех деяний, совершённых по мотивам ненависти, вражды, представляются допустимыми лишь при условии наличия убедительных доказательств такой мотивации и соблюдения принципа законности при квалификации деяний. Наличие специфического мотива у таких деяний указывает на их правовую природу экстремистских преступлений, поскольку в этих случаях экстремистский мотив выступает как референт к экстремистской идеологии. В связи с этим включение указанных деяний в категорию преступлений экстремистской направленности помогает квалифицировать преступные деяния, в диспозиции которых не указан экстремизм, но со субъективной стороны имеется экстремистский мотив.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что действующее законодательство, регламентирующее уголовную ответственность за экстремистскую деятельность, остро нуждается в формировании чёткой, логически выстроенной и концептуально согласованной понятийной системы. Ключевым шагом в этом направлении должно стать внесение изменений в статью 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Во исполнение принципа законности представляется обоснованным необходимость формулирования научно выверенных и нормативно устойчивых определений базовых понятий, применяемых в уголовно-правовом регулировании сферы противодействия экстремизму. Понятия «экстремизм», «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» представляют собой связанные, но не тождественные категории, каждая из которых занимает своё место в понятийном аппарате.

Экстремизм следует рассматривать как идеологическое явление, выражающееся в радикальном отрицании базовых принципов правопорядка,

общественной и государственной стабильности. Он проявляется в формах агрессии, направленных на разрушение основ конституционного строя, возбуждение вражды, насилия и нетерпимости.

Экстремистская деятельность, в свою очередь, представляет собой более конкретизированную совокупность действий, реализующих экстремистские установки на практике. Это может быть, как открытая пропаганда идей нетерпимости, так и организационная или координирующая деятельность, направленная на подготовку либо осуществление актов экстремистского характера.

Преступления экстремистской направленности представляют собой деяния, предусмотренные уголовным законом, которые либо прямо содержат в своей диспозиции признаки экстремизма, либо совершаются с соответствующим экстремистским мотивом. К числу таких преступлений относятся как составы, расположенные в 29 главе УК РФ, так и иные преступления, где мотив ненависти и вражды признаётся квалифицирующим или отягчающим обстоятельством по п. «е» ст. 63 УК РФ. Включение мотива вражды и ненависти в структуру преступления позволяет квалифицировать деяние как имеющее экстремистскую направленность даже при отсутствии прямого указания на это в диспозиции статьи.

Таким образом, названные понятия формируют иерархическую систему, где экстремизм представляет собой идеологическую основу, экстремистская деятельность способ её реализации, а преступления экстремистской направленности её наиболее опасную, уголовно наказуемую форму выражения.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской направленности

2.1 Объективные признаки преступлений экстремистской направленности

При анализе объективной стороны любого состава преступления целесообразно в первую очередь акцентировать внимание на характеристике его объекта как одной из ключевых структурных категорий уголовного права. Для точной квалификации преступлений экстремистской направленности необходимо рассматривать объект не абстрактно, а сквозь его значение как элемента состава преступления. Именно объект в значительной степени определяет общественную опасность деяния, его юридическую характеристику. Следует отметить, что объект преступления экстремистской деятельности может носить как конкретный, так и обобщённый характер, охватывая как индивидуальные проявления посягательства, так и воздействие, направленное на подрыв правовых институтов, обеспечивающих равенство и недискриминацию.

В настоящей главе исследования, прежде всего, будут рассмотрены преступления экстремистской направленности, в диспозиции которых прямо упоминается экстремизм. Статьи 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 и 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за указанные деяния, включены в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела X «Преступления против государственной власти».

В качестве общего объекта преступлений экстремистской направленности рассматривается совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом и обеспечивающих стабильность функционирования институтов общества и государства. Указанная категория

охватывает фундаментальные правовые институты, нарушение которых сопряжено с посягательством на основы правопорядка.

На следующем уровне вертикальной классификации в системе состава преступления выделяется родовой объект, под которым в уголовно-правовой теории понимается совокупность однородных по своей природе и функциональному значению общественных отношений, охраняемых уголовным законом в пределах определённой сферы правового регулирования. Данная категория выполняет объединяющую функцию, выступая основанием для систематизации норм Особенной части УК РФ и определяя их группировку по разделам в зависимости от характера охраняемых интересов.

Родовой объект преступлений экстремистской направленности охватывает совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение устойчивости и защищённости института государственной власти и конституционного строя. Структурное размещение соответствующих уголовно-правовых норм в разделе X Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против государственной власти» подтверждает системную связь между характером охраняемых интересов и законодательной конструкцией этих составов, что позволяет отнести указанные деяния к числу наиболее опасных посягательств на публично-правовую сферу. Данная категория охватывает фундаментальные элементы правопорядка, посягательство на которые сопряжено с угрозой подрыва государственной власти.

Видовой объект преступлений экстремистской направленности охватывает общественные отношения, направленные на обеспечение стабильности, неприкосновенности и функционирования основ конституционного строя. Указанные отношения отражают системообразующие принципы, закреплённые в Конституции РФ, и охватывают не только физическую защищённость личности и общества, но и устойчивость публичной власти, стабильность функционирования

государственных институтов, а также сохранность моральных и духовных основ общественной жизни. Основы конституционного строя представляют собой совокупность нормативных положений, выражающих сущность государства, его политико-правовую природу, форму правления, федеративное устройство, а также гарантии реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, выступающих в качестве высшей ценности и обязательства государства.

Систематизация преступлений экстремистской направленности в главе 29 УК РФ, озаглавленной «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», продиктована их правовой природой и содержательной направленностью. Эти деяния представляют угрозу принципам государственного устройства, таким как федеративное устройство, светский характер государства, равноправие граждан и недопустимость дискриминации. Экстремистская активность подрывает доверие к публичной власти, разрушает механизмы правового согласия и способствует формированию социальных конфликтов, способных перерасти в угрозу целостности и стабильности государственного порядка. Учитывая такую деструктивную направленность, размещение норм, устанавливающих ответственность за указанные деяния, в системе статей главы 29 УК РФ выглядит методологически и содержательно обоснованным.

Непосредственный объект преступлений экстремистской направленности представляет собой определённые общественные отношения, непосредственно затрагиваемые противоправным деянием и нуждающиеся в индивидуальной уголовно-правовой защите. Именно эти отношения подвергаются ущербу в результате совершения конкретного преступного акта и отражают специфику посягательства в пределах соответствующего состава. В рамках анализа данной категории преступлений акцент делается на том, что непосредственный объект может варьироваться в зависимости от характера деяния и содержания диспозиции соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяя тем самым определить конкретный

социальный интерес, которому причинён вред. Именно на уровне непосредственного объекта в соответствующих статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации осуществляется детализация уголовно-правовых запретов, что позволяет дать индивидуализированную уголовно-правовую оценку содеянному.

В ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие незыблемость основ конституционного строя и безопасность государства.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» является территориальная целостность и неприкосновенность государственной границы Российской Федерации. Угроза такого рода деяний заключается в дестабилизации территориального суверенитета, что несёт прямую опасность для сохранения целостности государства как субъекта международного права.

При установлении непосредственного объекта преступления, предусмотренного статьёй 282 УК РФ, основное внимание должно уделяться содержательной направленности противоправного поведения, отражающей цели и мотивы деяния. Существенное значение при квалификации имеет наличие умысла, направленного на возбуждение ненависти или вражды в отношении лиц, объединённых по признаку социальной принадлежности. Такое деяние направлено на унижение представителей отдельных социальных групп, утверждение их неполноценности, провозглашение исключительности и превосходства одних лиц над другими, а также на унижение человеческого достоинства. Следовательно, непосредственным объектом преступлений 282 УК РФ выступают общественные отношения, гарантирующие реализацию права на равенство и защиту от дискриминации по признаку принадлежности к определённой социальной группе, а также охрану человеческого достоинства. Нарушение этих отношений ведёт к их деформации,

выражающейся в подрыве общественного согласия и ослаблении доверия между различными социальными группами.

Непосредственный объект преступления, предусмотренного статьёй 282.1 УК РФ, составляют общественные отношения, обеспечивающие безопасность основ конституционного строя и государства, правопорядок, а также недопустимость создания устойчивых объединений граждан, преследующих экстремистские цели. Уголовно-правовая охрана в данном случае направлена на защиту установленного порядка функционирования общественных объединений и иных форм коллективной деятельности. Посягательство затрагивает не только конкретные межгрупповые и межличностные отношения, но и механизмы правового регулирования объединительной активности, обеспечивающие её законность и соответствие публичным интересам.

Статья 282.2 УК РФ устанавливает ответственность за организацию либо участие в деятельности организаций, признанных экстремистскими по решению суда. В качестве непосредственного объекта данного состава выступают охраняемые уголовным законом общественные отношения, обеспечивающие устойчивость основ конституционного строя, защиту государственной безопасности, соблюдение принципа законности в сфере коллективной активности, а также недопущение институционализированного распространения экстремистской идеологии в обществе. Вред, причиняемый посягательством, заключается в продолжении разрушительной идеологической, агитационной и организационной деятельности вопреки установленному запрету, что подрывает авторитет судебной власти и правопорядок.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьёй 282.3 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие недопустимость финансовой поддержки экстремистской деятельности. Эти отношения направлены на пресечение материального и финансового

содействия противоправной идеологии, угрожающей основам конституционного строя и безопасности государства.

Объективная сторона преступлений экстремистской направленности представляет собой внешнюю форму проявления противоправного поведения, выражающегося в конкретных действиях, которые нарушают охраняемые уголовным законом общественные отношения и сопряжены с реализацией идеологически враждебных установок. В контексте таких деяний особое значение приобретают публичные формы выражения: призывы к насилию, организация либо участие в деятельности запрещённых объединений, а также финансирование таких структур. Данные действия, как правило, направлены на возбуждение ненависти или вражды, подрыв основ конституционного строя, дестабилизацию общественно-политических институтов.

Для анализа составов преступлений экстремистского характера необходимо учитывать как обязательные, так и факультативные признаки конструкции объективной стороны. К обязательным признакам относится общественно опасное деяние, выраженное в действии, а также наступление общественно опасных последствий в случае, если состав преступления имеет материальный характер. В формальных составах наличие последствий не требуется, и преступление считается оконченным с момента совершения самого деяния. В уголовно-правовой теории под факультативными признаками понимаются время, место, способ, обстановка совершения преступления, орудия или средства. В рамках преступлений экстремистской направленности авторы подчёркивают, что данные признаки приобретают особую значимость в случае, если они не входят в конструкцию простого состава, но при этом отражают специфику квалифицированного состава. Указывается, что правовая оценка факультативных признаков актуальна прежде всего при наличии квалифицирующих обстоятельств. Так, например, использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, рассматривается как квалифицирующий признак объективной стороны. Аналогично оцениваются

применение насилия или угроза его применения, использование служебного положения и совершение преступления организованной группой [43, с. 154].

Объективная сторона преступлений, предусмотренных 280 УК РФ характеризуется совершением публичного действия - призыва, направленного на осуществление экстремистской деятельности. Как разъясняет Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11: «Под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме, например, в устной, письменной, с использованием технических средств обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности» [26]. Выраженность призыва в публичной форме выступает обязательным элементом объективной стороны состава рассматриваемого преступления, как специфическая обстановка его совершения. Это означает, что деяние должно быть реализовано таким образом, чтобы информация о призыве стала доступной для восприятия неопределённому кругу лиц, способных её воспринять непосредственно либо посредством средств массовой информации, телекоммуникационных сетей или иных способов коммуникации, обеспечивающих публичность.

Согласно позиции Р.Д. Кузнецова, публичность предполагает наличие неопределенного или широкого круга адресатов. Это может быть достигнуто как непосредственным обращением к аудитории, например, выступление на митинге, так и использованием информационно-коммуникационных технологий, включая сеть Интернет. Автор подчёркивает, что именно признак массовости и открытости коммуникации отличает наказуемый публичный призыв от частного, личного высказывания [17, с. 412].

А.Н. Новосёлова и А.А. Зайцева пишут, что публичный призыв - это обращение, выраженное в любой форме устной, письменной, с применением технических средств, направленное на побуждение неопределённого круга лиц к совершению действий противоправного характера, предусмотренных уголовным законом. При этом акцент делается на открытом характере такого обращения и его ориентации на массовое восприятие. Призыв может быть

осуществлѐн как непосредственно перед публикой, например, на митингах, собраниях, так и опосредованно путѐм распространения информации в СМИ, мессенджерах, через сеть Интернет, если предполагается, что с ней ознакомится широкая аудитория [22, с. 50].

Состав преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ по конструкции объективной стороны является формальным, что означает преступление считается оконченным с момента фактического осуществления публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности. Юридически значимым признаѐтся сам факт обращения к неопределѐнному кругу лиц с побуждением к совершению деяний экстремистской направленности, вне зависимости от наступления реальных последствий в виде вовлечения кого-либо в соответствующую противоправную активность.

Действия, составляющие объективную сторону состава преступления, предусмотренного статьѐй 280.1 УК РФ, по своей правовой природе схожи с действиями, описанными в статье 280 УК РФ, и заключаются в публичных призывах к осуществлению деяний, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Указанная уголовно-правовая норма представляет собой специальный по отношению к статье 280 УК РФ состав.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выражается в действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение человеческого достоинства как отдельного лица, так и группы лиц, объединѐнных по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или принадлежности к какой-либо социальной группе. Законодатель, формулируя диспозицию данной нормы, не конкретизирует перечень возможных форм противоправного поведения, способных повлечь соответствующие последствия, что обуславливает широкую трактовку состава. Однако из содержания статьи однозначно следует, что деяние может быть реализовано исключительно посредством активного действия. По конструкции объективной стороны

состав преступления, предусмотренный статьёй 282 УК РФ, является формальным.

Для надлежащей квалификации деяний, охватываемых статьёй 282 УК РФ, необходимым условием является установление факта публичного характера действий, либо осуществления их с применением средств массовой информации, либо посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Указанные признаки формируют обязательный элемент объективной стороны состава преступления и свидетельствуют о направленности деяния на неопределённый круг лиц. Дополнительно, в соответствии с редакцией статьи 282 УК РФ, действующей на момент анализа, квалификация соответствующего преступления возможна лишь при наличии ранее привлечения виновного лица к административной ответственности за аналогичное деяние, совершённое в течение одного календарного года до инкриминируемого преступления [38]. Данный признак носит кумулятивный характер и представляет собой элемент законодательной конструкции, направленной на реализацию прогрессивной ответственности при систематическом нарушении установленных запретов.

Как отмечает А.А. Аравина, публичность в интернет-пространстве приравнивается к оффлайн формам публичного выражения мнения. Если публичные действия пользователя, предполагающие восприятие их неограниченным кругом лиц направлены на реализацию целей возбуждения ненависти, вражды либо унижения достоинства, то это образует состав преступления. Это может выражаться в формах публикаций, комментариев, репостов, а также проставления знаков одобрения, например, «лайков» если они трактуются как форма поддержки экстремистских идей. Размещение экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационной сети, согласно разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года, может квалифицироваться как преступление по статье 282 УК РФ [26]. Комментарии, содержащие выражение поддержки запрещённым материалам, репосты в течение года, особенно повторные, могут служить

основанием для уголовной ответственности [2, с. 419]. Для более наглядного понимания феномена информационного экстремизма уместно обратиться к конкретным прецедентам из правоприменительной практики.

Алагирский районный суд Республики Северная Осетия-Алания установил: «ФИО1 совершила действия, направленные на возбуждение ненависти, вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам национальности, языка, происхождения, совершенные публично с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года» [27].

В данном случае речь идёт об враждебных комментариях в социальной сети, которые были направлены на возбуждение ненависти и вражды, а также унижения чести и достоинства группы лиц по национальным признакам. Опубликованные сведения включали в себя текстовые элементы, содержащие в своей структуре лексические выражения неприемлемого характера, направленные против представителей национальной группы. Указанные действия гражданина ФИО1 были квалифицированы по ст. 282 УК РФ как деяние, выражающееся в возбуждении ненависти либо вражды, а равно и в умалении человеческого достоинства, совершённое с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет в качестве канала распространения противоправной информации.

Следует отметить, что одной из значимых проблем, возникающих в правоприменительной практике по статье 282 УК РФ, является отсутствие нормативной определённости признака принадлежности к социальной группе. Недостаточная правовая конкретизация данной категории создаёт риск произвольного толкования соответствующего элемента состава преступления, что, в свою очередь, становится предметом активной дискуссии в уголовно-правовой науке.

Так, например, М.А. Яворский и Д.С. Гордеев делают акцент на правовой неопределённости понятия «социальная группа» в контексте

статьи 282 УК РФ, что вызывает значительные затруднения в правоприменительной практике. Авторы подчёркивают, что в действующем законодательстве, включая Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 № 11, отсутствует чёткое определение понятия «социальная группа». Это позволяет судьям и экспертам произвольно интерпретировать, какие объединения лиц могут быть признаны социальной группой, а какие нет. Авторы указывают, что в наиболее общем смысле социальная группа - это совокупность лиц, объединённых каким-либо общим признаком: интересами, профессией, деятельностью. Однако такая дефиниция слишком обширна и, будучи напрямую применена в контексте уголовного преследования по ст. 282 УК РФ, может привести к чрезмерно широкому охвату круга охраняемых субъектов вплоть до признания социальной группой семьи, профессионального коллектива или даже временного сообщества по интересам [50, с. 217].

С объективной стороны деяние, предусмотренное статьёй 282.1 УК РФ, выражается исключительно в активной форме противоправного поведения. Такие действия включают, с одной стороны, создание экстремистского сообщества, то есть формирование устойчивой организованной группы лиц, объединённых целью осуществления преступной деятельности экстремистской направленности, а с другой участие в уже существующем экстремистском сообществе, включающее в себя реализацию конкретных функций или задач, обусловленных внутренней структурой и целями указанного объединения. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 № 11 для признания организованной группы экстремистским сообществом не требуется предварительного судебного решения о запрете либо ликвидации общественного или религиозного объединения, либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности [26].

Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ выражается в совершении виновным действий, заключающихся в организации

деятельности организации либо в участии в такой организации, которая была признана экстремистской и её деятельность запрещена на территории РФ по решению суда. Специфика объективной стороны деяния, предусмотренного статьёй 282.2 УК РФ, заключается в том, что её диспозиция носит бланкетный характер, требующий обращения к положениям Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, регулирующим данную сферу. В данной норме законодателем вводится терминологическая категория «экстремистская организация», которая по своей правовой природе должна быть чётко разграничена с понятием «экстремистское сообщество», закреплённым в статье 282.1 УК РФ [42]. Объективная сторона состава преступления, предусмотренного частью второй статьи 282.2 УК РФ, выражается в участии в деятельности организации, признанной судом экстремистской. Такое участие может реализовываться как в форме активных действий, так и в виде пассивного поведения, выраженного в сознательном включении лица в функционирование данной структуры без выполнения конкретных функций, но с осознанием противоправного характера её деятельности. По конструкции объективной стороны состав является формальным и не требует наступления конкретных общественно опасных последствий.

В ситуации, когда судом принято и вступило в законную силу решение о ликвидации либо о запрете деятельности организации в связи с осуществлением ею экстремистской деятельности, любые последующие действия граждан, не направленные на продолжение функционирования указанной организации, не могут рассматриваться как противоправные при условии, что они заключаются исключительно в реализации конституционно гарантированного права на свободу совести и свободу вероисповедания. К числу таких действий относятся индивидуальное или коллективное исповедание религии, участие в богослужениях, совершение религиозных обрядов и иных культовых церемоний, при условии, что указанные действия не содержат признаков экстремизма.

Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 года № 11 под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение лиц в такую деятельность, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений, применения физического воздействия [26]. Анализируемое деяние требует наличия выраженного действия, направленного на вовлечение лиц в деятельность экстремистского сообщества или организации. Преступление считается оконченным с момента указанных действий.

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьёй 282.3 УК РФ выражается посредством совершения действий, заключающихся в предоставлении или сборе денежных средств, либо оказании финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования экстремистской организации, подготовки либо осуществления одного или нескольких преступлений экстремистской направленности. Под понятием финансовых услуг, применительно к рассматриваемому составу, следует понимать широкий спектр операций и сделок, а также иные действия экономического характера, способствующие обеспечению устойчивого финансирования экстремистской деятельности. Преступление окончено с момента совершения любого из указанных действий, относящихся к финансированию преступления экстремистской направленности, обеспечению деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

2.2 Субъективные признаки преступлений экстремистской направленности

В теории уголовного права субъективная сторона преступления рассматривается как совокупность психических процессов, отражающих внутреннее отношение лица к совершенному деянию и его последствиям.

Данная категория занимает центральное место в системе элементов состава преступления, поскольку без установления вины невозможно привлечение лица к уголовной ответственности.

Во всех составах преступлений экстремистской направленности, расположенных в 29 главе УК РФ субъектом уголовной ответственности, выступает общее лицо, то есть физическое лицо, обладающее вменяемостью и достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона преступлений экстремистской направленности определяется наличием прямого умысла, что обусловлено идеологической мотивировкой виновного лица. Согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ: «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления», - таким образом выражая положительное отношение к результату своего поведения [38].

Цель преступления отражает сознательное стремление виновного достичь общественно опасного результата, связанного с подрывом основ общественного устройства, разжигании розни или вражды, противоправном воздействии на институты государственной власти или ущемлении прав граждан по признаку принадлежности к социальным, национальным, религиозным или иным группам. Мотив, в свою очередь, объясняет внутренние побуждения субъекта к совершению противоправного действия. Наличие таких побуждений трансформирует преступление общего характера в деяние экстремистской направленности [5, с. 145-146].

Мотивы, лежащие в основе совершения преступлений экстремистской направленности, обладают разнообразной природой и могут варьироваться от стремления к личной мести, чувства ненависти или корыстных побуждений до идеологически и эмоционально окрашенной вражды по отношению к конкретным лицам или социальным группам. Несмотря на то, что в ряде случаев указание на мотив не входит в обязательные признаки состава

преступления и, следовательно, не оказывает прямого влияния на юридическую квалификацию деяния, его установление имеет существенное значение в процессе уголовно-правового анализа. Выявление мотива позволяет более глубоко оценить степень общественной опасности содеянного, а также может служить дополнительным элементом доказательственной базы, способствующим более объективному определению степени вины и обоснованному назначению уголовного наказания.

Анализируя субъективную сторону деяний, квалифицируемых по ст. 280 и 280.1 УК РФ, необходимо акцентировать внимание на том, что форма вины характеризуется исключительно прямым умыслом и специальной целью. Для преступлений, предусмотренных ст. 280 УК РФ специальной целью является формирование внутреннего побуждения людей к осуществлению экстремистской деятельности. В свою очередь, специальной целью преступлений, предусмотренных ст. 280.1 УК РФ является нарушение территориальной целостности РФ. Лицо, совершающее подобное преступление, осознаёт противоправный и общественно опасный характер своих действий, предвидит возможность либо неизбежность наступления общественно опасных последствий и целенаправленно стремится к их наступлению.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, охватывает не только форму вины в виде прямого умысла, но и наличие специальной цели возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства личности или группы лиц по признаку пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к определённой социальной группе. Установление такой цели является обязательным условием признания деяния уголовно наказуемым.

Понятие «цель» анализируется Н. В. Тыдыковой в контексте правоприменения статьи 282 УК РФ и трактуется как ключевой элемент субъективной стороны состава преступления. Автор подчёркивает, что возбуждение уголовного дела по данной статье допустимо лишь при

установлении внутренней мотивации субъекта, а не только на основании факта формального размещения информации в информационно-телекоммуникационных сетях. Выделяется, что цель противоправного поведения должна устанавливаться с учётом совокупности обстоятельств:

- контекста публикации;
- содержания высказываний;
- поведения лица до и после распространения информации;
- характера взаимодействия с аудиторией;
- иных косвенных признаков, позволяющих судить о намерении субъекта [37, с. 37-38].

Верховный Суд РФ в своих разъяснениях Постановление Пленума от 28 июня 2011 № 11 также указывает на необходимость установления именно умысла и цели деяния, что исключает возможность привлечения к уголовной ответственности за размещение материалов без учета субъективного отношения лица [26].

Понятия «ненависть» и «вражда», применяемые в уголовном законодательстве, обладают определённым понятийным сходством в эмоционально-нравственном аспекте, однако отличаются по глубине, направленности и форме выражения. Под «враждой» следует понимать устойчивое, осознанное и, как правило, взаимное чувство глубокого антагонизма между субъектами, имеющее перманентный характер и выражающееся в напряжённых межличностных или межгрупповых отношениях. В свою очередь ненависть представляет собой интенсивное, ярко выраженное негативное отношение не только к отдельным лицам, но и к абстрактным группам людей, объединённым по признакам социальной стратификации либо по иным основаниям.

Собирательным обозначением различных форм ненависти в научной литературе выступает термин «шовинизм» - крайняя форма национализма, проповедующая превосходство и презрение к иным социальным, этническим, религиозным и другим группам. Термин происходит от имени французского

солдата Шовена, прославившегося беззаветной преданностью идеям завоевательной политики Наполеона [35].

Согласно позиции М.А. Яворского и Д.С. Гордеева, под «ненавистью» в контексте уголовного закона следует понимать эмоциональное, психологическое состояние, выражающее крайнюю степень антипатии, злобы и неприязни. Это внутреннее чувство, которое может проявляться в виде агрессивных суждений или вербальных оскорблений. В то же время термин «вражда» представляет собой не просто эмоциональное отношение, но уже сформированную готовность к действиям, направленным на причинение вреда, то есть проявленную поведенческую агрессию [49, с. 212].

Нацию, в свою очередь, как правило, рассматривают с двух аспектов. С одной стороны - как политическую общность, то есть совокупность граждан одного государства, с другой - как этническую общность, представляющую собой исторически сложившуюся часть человечества, объединённую устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры.

Авторы справедливо отмечают, что в судебной практике данные понятия зачастую не разграничиваются. Суды формулируют обвинение как «действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды», не указывая, какие именно действия возбуждают чувство, а какие поведение. С юридической точки зрения подобный подход приемлем в целях квалификации, однако дифференциация может иметь значение при индивидуализации наказания и установлении степени общественной опасности деяния. За помощью в интерпретации интенций высказываний суды обращаются к экспертам-лингвистам.

Лингвистическая экспертиза должна сосредотачиваться не только на описании лексических и синтаксических признаков речевого акта, но и на выявлении коммуникативной цели высказывания. Это предполагает оценку того, направлено ли речевое действие на формирование негативного образа социальной группы, возбуждение ненависти либо вражды в отношении нее, а также на унижение человеческого достоинства. Л.В. Коростелева

подчёркивает, что речевое действие должно выполнять воздействующую функцию, то есть оказывать влияние на адресата с целью изменения его отношения к определённой социальной группе в сторону негативного или враждебного. Тем самым эксперт-лексикограф не должен ограничиваться лишь лингвистическим описанием, но обязан учитывать и правовую сторону понятий, что существенно расширяет пределы его компетенции в рамках судебного производства [16, с. 75].

Особую критику вызывает практика назначения психолого-лингвистических экспертиз, которые в ряде случаев представляют собой попытку расширительно интерпретировать содержание текста, приписывая ему экстремистскую направленность, исходя из субъективных представлений эксперта. Экспертиза, по сути, должна ограничиваться установлением наличия или отсутствия в материале признаков, значимых с правовой точки зрения, но не может подменять собой правовую квалификацию и не должна становиться единственным основанием для вынесения обвинительного приговора.

Кроме того, распространена практика фиксации интернет-материалов посредством их распечатки без учета HTML-разметки, метаданных, контекста размещения и прочих элементов, имеющих существенное значение для интерпретации. В этих целях предлагается прибегать к помощи специалистов-компьютерных экспертов, которые могут зафиксировать состояние страницы в сети Интернет в момент ее существования, включая контекстные и технические параметры [6, с. 95-100].

Высказывания граждан, выражающие их личное мнение или позицию по вопросам, представляющим общественную значимость, в том числе основанные на субъективных оценках либо фактических обстоятельствах, касающихся текущего состояния социальных процессов, не образуют состава преступления, предусмотренного статьёй 282 УК РФ. Подобные действия не могут рассматриваться в качестве возбуждения ненависти, вражды либо унижения достоинства личности или группы лиц при отсутствии направленного умысла на достижение указанных целей и иных обязательных

признаков состава преступного деяния. В этой связи особую значимость приобретает разграничение в правоприменительной практике между недопустимыми формами экстремистской активности и легальным осуществлением конституционного права на свободу слова и мысли.

Исходя из диспозиции статьи 282.1 УК РФ, ключевым элементом субъективной стороны анализируемого преступления выступает наличие специальной цели, заключающейся в создании экстремистского сообщества. Такая цель выражается в осознанном стремлении инициировать, подготовить либо реализовать одно или несколько деяний, обладающих признаками преступлений экстремистской направленности. Кроме того, в рамках реализации указанной цели возможно формирование стратегических планов, организация логистических или иных условий, обеспечивающих преступную деятельность, а также согласование усилий участников, направленное на достижение обозначенного противоправного результата. Присутствие целевой направленности на совершение именно экстремистских преступлений представляет собой существенное разграничительное основание, позволяющее отличить данный состав от смежных уголовно-правовых конструкций, в частности от создания преступного сообщества, предусмотренного статьёй 210 УК РФ, где не требуется обязательной привязки к идеологической направленности умысла.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ, выражена виной в виде прямого умысла. Ключевым элементом субъективной стороны состава преступления является наличие специальной цели, заключающейся в стремлении к возобновлению или продолжению функционирования общественного либо религиозного объединения, официально признанного экстремистским и запрещённого решением суда. Такая цель выражает внутреннюю направленность умысла виновного на сохранение противоправной активности ликвидированной структуры, включая попытки вовлечения в неё новых участников, сохранение

организационного потенциала или сокрытое продолжение её деятельности вопреки запрету.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 282.3 УК РФ характеризуется прямым умыслом. Целью данных преступлений выступает финансирование, направленное на обеспечение подготовки, организации либо совершения хотя бы одного преступления экстремистской направленности. Существенным условием квалификации является осведомлённость субъекта о противоправной направленности финансируемой деятельности.

Проведённый правовой анализ позволяет прийти к обоснованному выводу о том, что объективные признаки преступлений экстремистской направленности заключаются в активной противоправной деятельности. Ключевым элементом субъективной стороны составов преступлений данного рода выступает наличие специфической цели и умышленной формой вины. Именно наличие целенаправленной установки позволяет квалифицировать деяние как экстремистское в смысле уголовного закона.

Следует подчеркнуть, что экстремистские преступления могут быть совершены лицами, руководствующимися различными побуждениями, включая идеологические, религиозные, политические, личные либо иные мотивы. При этом способы реализации преступного умысла могут варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и формы выражения, охватывая широкий спектр общественно опасных действий.

Особое внимание следует уделить определению понятий «ненависть», «вражда», «социальная группа», «публичность». Законодатель не даёт чёткой формулировки. Это даёт большое пространство для интерпретации, что ложится бременем на суды, экспертов и специалистов. Такая конъюнктура нависает Дамокловым мечом и создаёт потенциальную угрозу для свободы мысли и слова. Следовательно, законодателю необходимо конкретизировать положения, связанные с указанными понятиями для поддержания конституционного порядка и лучшей дифференциации преступлений экстремистской направленности.

Глава 3 Проблемы института уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности

3.1 Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности

Противоправные действия, охватываемые положениями уголовного закона, обладают комплексом объективных и субъективных характеристик, которые подлежат тщательной правовой оценке. Такие деяния нередко сопровождаются дополнительными обстоятельствами, оказывающими существенное влияние на их уголовно-правовую квалификацию. С учётом особенностей правовой природы преступлений экстремистской направленности возникает обоснованная необходимость в углублённом изучении порядка применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за данные деяния, особенно в контексте их возможного сочетания с иными составами преступлений. Процесс квалификации требует точного сопоставления обстоятельств с юридическими признаками, закреплёнными в диспозициях соответствующих статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Согласно содержанию статьи 205.1 УК РФ, к числу преступлений террористической направленности отнесены не только деяния, непосредственно связанные с осуществлением террористических актов, но и иные преступления, квалифицированные как посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства. В частности, к таким деяниям отнесены преступления, предусмотренные статьями 277, 278 и 279 УК РФ, охватывающие, соответственно, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственное удержание либо захват власти, а также организацию вооружённого мятежа. Все указанные составы включены в содержание главы 29 УК РФ [38].

Классификация экстремистских и террористических преступлений проведена законодателем весьма непоследовательно.

Экстремистские преступления, в отличие от террористических, направлены преимущественно против государственной власти и посягают на основы конституционного строя. В то же время терроризм, хотя и сопряжён с насилием, имеет своим основным объектом общественную безопасность, а не саму структуру власти. Государственная власть — это не просто механизм принуждения, а институт, легитимность которого основана на воле народа. Она представляет собой систему, реализующую функции управления в правовом государстве [15, с. 65-66].

С точки зрения уголовно-правовой доктрины, российское законодательство демонстрирует двойственный подход к определению соотношения экстремизма и терроризма. С одной стороны, ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» формулирует терроризм как частный случай экстремистской деятельности, включающийся в более широкую категорию идеологически мотивированных форм насилия, направленных на подрыв основ конституционного строя. С другой стороны, в структуре Особенной части УК РФ террористические преступления получили обособленное нормативное закрепление. Деяния, предусмотренные статьями 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220 и 221 УК РФ, сосредоточены в главе 24, запрещающей преступления против общественной безопасности. Более того, статья 360 УК РФ, инкриминирующая нападения на лиц и учреждения, находящихся под международной защитой, включена в главу 34, посвящённую преступлениям против мира и безопасности человечества.

Формулировки экстремистской и террористической деятельности отличается высокой степенью правовой неопределенности, что нередко приводит к пересечению и дублированию уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за аналогичные по сути деяния. Данный феномен обусловлен тем, что различные преступные действия могут быть

квалифицированы как по общим, так и по специальным уголовно-правовым нормам. В частности, некоторые формы террористической деятельности, охватываемые диспозицией статьи 205.2 УК РФ, по своему содержанию могут пересекаться с деяниями, предусмотренными статьей 280 УК РФ, касающейся публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности.

В подобных случаях возникает коллизия между общей нормой и нормой специальной. Статья 280 УК РФ обладает обобщающим характером и охватывает широкий круг действий, направленных на пропаганду экстремизма, включая политические и идеологические формы воздействия. В то же время статья 205.2 УК РФ представляет собой специальную норму, детализирующую признаки преступлений, связанных с оправданием и пропагандой терроризма, которые в силу своей высокой степени общественной опасности требуют особой уголовно-правовой оценки. Согласно части 3 статьи 17 УК РФ, если деяние одновременно охватывается общей и специальной нормой, при квалификации подлежит применению специальная норма, что исключает возможность конкуренции и обеспечивает правовую определенность [38].

Одной из центральных проблем является отсутствие чёткости в правовом определении понятия «призыв», что обусловлено широкой лингвистико-этимологической вариативностью его трактовки. Термин охватывает как прямые, так и косвенные формы воздействия, вербальные и невербальные способы выражения, что затрудняет установление уголовно-правовых границ деяния. Такая неопределённость порождает квалификационные споры, особенно при разграничении состава преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, от смежных составов, например, публичных призывов к террористической деятельности ст. 205.2 УК РФ или участию в массовых беспорядках ч. 3 ст. 212 УК РФ.

К примеру, М.А. Бычинский был признан виновным Кировским районным судом г. Красноярск в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 280 УК РФ - публичные призывы к

осуществлению экстремистской деятельности, совершённые с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Согласно установленным в суде фактическим обстоятельствам, подсудимый, используя свою персональную страницу в социальной сети «ВКонтакте», опубликовал комментарий, содержащий призывы к насильственным действиям в отношении социальной группы, объединённой по профессиональному признаку — сотрудников органов правопорядка. Высказывание, содержащее откровенно агрессивный и побудительный характер, было направлено на подстрекательство к физическому уничтожению представителей данной категории лиц. Эти действия были совершены с прямым умыслом, с осознанием противоправности и желанием наступления соответствующих последствий [29].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о тенденции к взаимному поглощению квалифицирующих признаков составов, предусмотренных статьями 280 и 282 УК РФ. В частности, в случаях, когда лицо публично выражает ненависть или вражду в отношении определённой социальной группы либо её представителей, одновременно высказывая призывы к применению насилия против них, зачастую имеет место правовая оценка деяния исключительно по одной из указанных норм. Ключевое отличие между двумя составами заключается в направленности умысла. По статье 280 УК РФ он направлен на побуждение к активным действиям экстремистского характера, тогда как по статье 282 УК РФ на возбуждение ненависти либо вражды. Также следует подчеркнуть, что формально сходная лексика, содержащаяся в высказываниях в сети Интернет, нередко приводит к затруднениям в разграничении между двумя нормами [7, с. 366-367].

Современное развитие цифровых технологий радикально трансформировало характер общественных отношений, в том числе в сфере противоправной деятельности. Сеть Интернет стала не только средством распространения информации, но и пространством, в котором активно формируются и реализуются экстремистские установки, в том числе

посредством публичных призывов, пропаганды насилия и координации противоправных действий. Особую актуальность приобретают проблемы квалификации таких деяний, совершаемых в виртуальной среде, с учётом особенностей правового регулирования и криминалистической оценки цифровых следов.

В частности, Н.Г. Канунникова замечает, что дополнительные трудности вызывает признание публичности как обязательного признака состава. Законодателем не конкретизированы критерии, позволяющие установить факт публичного характера высказываний при распространении информации через Интернет. В связи с этим возникает правовая неопределённость в отношении квалификации деяний, совершаемых на цифровых платформах, что требует более дифференцированного подхода. Квалифицирующим признаком, закреплённым в части 2 статьи 280 УК РФ, выступает использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Однако объединение в одной диспозиции таких разнородных каналов коммуникации, как традиционные СМИ и Интернет, представляется, по мнению автора, методологически необоснованным. Сеть Интернет, обладая гораздо большей степенью охвата и распространения информации, обладает самостоятельной уголовно-правовой значимостью. [12, с. 25-26].

Сходство диспозиций статей 136 и 282 УК РФ может порождать трудности в правоприменительной деятельности при разграничении соответствующих составов преступлений. Эти нормы уголовного закона охватывают схожие по внешним проявлениям деяния, однако существенно различаются по направленности посягательства, юридической квалификации и характеру охраняемых благ.

Статья 136 УК РФ подразумевает действия, нарушающие принцип равноправия, заключающиеся в необоснованном ограничении прав и свобод человека и гражданина по различным признакам. Здесь ключевым объектом охраны выступают гарантии равенства, закреплённые в Конституции

Российской Федерации. В отличие от этого, статья 282 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства личности. Объектом уголовно-правовой охраны в данном случае выступают общественные отношения, обеспечивающие конституционные права и свободы граждан, а также их честь и достоинство.

Особую сложность представляет квалификация тех деяний, которые одновременно содержат признаки дискриминации и публичного оскорбления личности по мотивам ненависти или вражды. Такие действия могут трактоваться как нарушение как личных прав потерпевшего, так и общественных интересов. В связи с этим правовая оценка указанных деяний требует подхода, основанного на точной установке субъективной стороны, характера деяния, формы вины и степени общественной опасности.

Одной из фундаментальных проблем как теоретического, так и правоприменительного характера ст. 282 УК РФ является неопределённость объективных признаков деяния. Эта неопределённость обусловлена, прежде всего, отсутствием в законе точного и закрытого перечня форм внешнего выражения поведения, способного повлечь возбуждение ненависти либо вражды, либо унижение достоинства личности или группы лиц по признаку принадлежности к определённой социальной группе.

Определение признака «социальная группа» представляет собой одну из наиболее сложных проблем в рамках уголовно-правовой квалификации, что обусловлено отсутствием нормативно установленных и универсально применимых критериев, позволяющих с достаточной степенью правовой определённости идентифицировать данную категорию в контексте уголовного судопроизводства. Недостаточная конкретизация указанного понятия порождает риски произвольного толкования и затруднений при решении вопроса о наличии признаков состава преступления. Такая неопределённость провоцирует расхождения как в научных подходах к дефиниции данного термина, так и в правоприменительной практике.

Так, приговором Советского районного суда г. Воронеж был признан виновным М.В. Горбачев, обвиняемый в совершении возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства и нарушения права на свободу совести и вероисповеданий. В данном случае осуждённый оскорбил несколько социальных групп по признаку вероисповедания и этнической принадлежности, разместив комментарии в сети Интернет, доступные неограниченному числу пользователей, с целью демонстрации его как можно большему кругу людей и выражая явное неуважение к обществу, нарушив тем самым их конституционные права. В фабуле фигурируют две социальные группы. Первая является представителями религиозных конфессий, а вторая представляет собой этническую группу. М.В. Горбачев ранее привлекался к административной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды в отношении вышеуказанной этнической группы, но в течение года вновь реализовал преступный умысел на унижение достоинства этнической группы при помощи сети Интернет путём размещения комментариев. Также, своими противоправными экстремистскими действиями Горбачев М.В. при помощи сети Интернет оскорбил религиозные чувства группы верующих [31].

Статьи 148 и 282 УК РФ охватывают различные объекты уголовно-правовой охраны, несмотря на частичное тематическое пересечение. Так, статья 148 УК РФ устанавливает ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, совершённые с целью оскорбления религиозных чувств верующих. В данном случае речь идёт о посягательстве на религиозные ценности, объекты культа и сакральные элементы вероучения, так и на саму религиозную общность как социальную группу.

Использование законодателем обобщающих и оценочных формулировок с открытым перечнем действий, подлежащих уголовно-правовой оценке, с одной стороны, позволяет обеспечить гибкость правовой реакции на многообразные проявления экстремистской активности. Однако, с

другой стороны, такая правовая конструкция порождает риск субъективного и произвольного толкования состава преступления, а также допускает возможное расширительное применение нормы.

Отсутствие чётких критериев, определяющих границы допустимого, затрудняет установление состава в конкретных случаях, в особенности при квалификации деяний, сопряжённых с публичным выражением взглядов. Это порождает коллизию между задачами охраны общественного порядка и необходимостью соблюдения основополагающих конституционных прав, прежде всего свободы слова и мысли.

В этих условиях реализация ст. 282 УК РФ требует предельно точного и доказательного подхода со стороны органов предварительного расследования и суда, предполагающего установление прямой причинно-следственной связи между конкретным высказыванием или иным действием и наступлением или реальной угрозой наступления общественно опасных последствий, выраженных в возбуждении ненависти, вражды либо в унижении человеческого достоинства. Только при наличии данной взаимосвязи возможно признание поведения уголовно наказуемым, без риска нарушения принципов вины и справедливости.

Включение в УК РФ статьи 280.1, устанавливающей уголовную ответственность за публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности государства, заметно осложнило юридическую оценку сходных противоправных деяний. Эта ситуация обусловлена необходимостью чёткого разграничения и преодоления конкуренции уголовно-правовых норм, поскольку введённый состав требует сопоставления с ранее действующими положениями Особенной части УК РФ, в которых уже закреплены специальные гарантии защиты государственной территории от противоправных посягательств.

Так, в статье 353 УК РФ прямо предусмотрена ответственность за планирование, подготовку или ведение агрессивной войны, в том числе с целью насильственного изменения государственных границ. Положения

статьи 354 УК РФ направлены на пресечение публичных призывов к развязыванию агрессивной войны, включая агитацию, направленную на территориальный передел. Публичные призывы к осуществлению деяний, направленных на посягательство на территориальную целостность Российской Федерации, подлежат разграничению с иными уголовно наказуемыми деяниями, посягающими на основы конституционного строя с применением насилия, в частности, с преступлениями, предусмотренными статьями 278 и 279 УК РФ. Статья 278 УК РФ устанавливает ответственность за насильственное изменение конституционного строя, тогда как статья 279 УК РФ предусматривает ответственность за вооружённый мятеж, одной из целей которого может являться нарушение территориальной целостности государства [20, с. 118].

Ключевым разграничительным критерием указанных составов выступает форма и степень реализации преступного умысла. В случае совершения деяния, квалифицируемого по статье 280.1 УК РФ, виновное лицо ограничивается осуществлением публичного обращения к другим лицам, направленного на формирование у последних намерения совершить действия, нарушающие территориальную целостность России. При этом оно не предпринимает иных действий, способных непосредственно повлечь реализацию заявленного призыва.

Если же указанные публичные обращения совершаются в рамках более широкого преступного деяния, охватываемого диспозициями статей 278 или 279 УК РФ, и сопровождаются реальными действиями, направленными на реализацию насильственного изменения территориального устройства, возникает конкуренция уголовно-правовых норм по типу части и целого. В соответствии с положениями статьи 17 УК РФ, при наличии такого рода конкуренции предпочтение отдается специальной норме, наиболее полно охватывающей фактические обстоятельства содеянного. Следовательно, в указанных ситуациях квалификация должна осуществляться исключительно по статьям 278 или 279 УК РФ, без применения статьи 280.1, которая в этом

случае поглощается [38]. Следует привести пример из судебной практики по ст. 280.1 УК РФ.

А.В. Николаев был признан виновным Мирнинским районным судом Республики Саха (Якутия) в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 280.1 УК РФ - публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, совершённые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Согласно материалам дела, А.В. Николаев, руководствуясь политическими мотивами и испытывая негативное отношение к действующей государственной власти, разместил на интернет-платформе «ВКонтакте» комментарии, содержащие прямые и недвусмысленные призывы к выходу Республики Саха (Якутия) из состава Российской Федерации, а также обоснования, оправдывающие такую необходимость. Эти действия были квалифицированы как публичные призывы к нарушению территориальной целостности государства, что и послужило основанием для уголовного преследования [30].

В отличие от статьи 278 УК РФ, которая охватывает действия, направленные на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, деяния по статье 280.1 УК РФ выражаются исключительно в форме публичных призывов, не сопряжённых с фактическим применением силы или организацией насильственных действий. В рассматриваемом случае А.В. Николаев не предпринимал активных действий, направленных на реализацию призываемого выхода субъекта Федерации из состава государства, а ограничился распространением соответствующего идеологического контента через информационно-телекоммуникационные сети. Это является ключевым признаком, позволяющим отграничить его действия от состава, предусмотренного статьей 278 УК РФ, где требуется реальная направленность на организацию или участие в насильственном изменении основ государственного устройства. От статьи 279 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за вооружённый мятеж,

квалифицирующий признак наличие организованных действий, сопряжённых с вооружённым сопротивлением органам государственной власти. Деятельность А.В. Николаева не включала формирование вооружённого объединения или насильственное восстание.

Также существуют проблемы в разграничении составов преступлений, связанных с преступными объединениями. Основные сложности в правоприменении ст. 282.1 и 282.2 УК РФ обусловлены отсутствием нормативно закреплённого различия между формами преступных объединений, а также неопределённостью их правовой природы в контексте общей теории организованной преступности. Дополнительные затруднения вызывает интерпретация способов совершения данных деяний. Обе статьи формулируются как охватывающие преступления коллективного характера. Справедливо будет указать на отсутствие чётких и объективно различимых признаков, позволяющих квалифицировать одну структуру как сообщество, а другую как организацию кроме решения суда. Нечёткость и терминологическая несогласованность, допущенные законодателем при формулировании понятий «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация» в статьях 282.1 и 282.2 УК РФ, создают значительные трудности в процессе квалификации соответствующих деяний. Особенно остро эта проблема проявляется при разграничении указанных составов с преступлением, предусмотренным статьёй 210 УК РФ, регулирующей ответственность за создание преступного сообщества и участие в нём.

Так, например, Е.В. Киселев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 282.1 УК РФ участие в экстремистском сообществе. В ходе предварительного следствия и судебного разбирательства было установлено, что подсудимый добровольно вступил в структурированное экстремистское сообщество под наименованием «Молодежная организация Русь» (сокр. «М.О.Р.»), функционировавшее как организованная группа лиц, сплочённая идеологией националистического характера, пропагандирующей идеи расовой, этнической и религиозной

ненависти. Основной целью указанного сообщества являлось планомерное совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе силовых акций против лиц неславянской внешности, лиц иной расы, вероисповедания, сексуальной ориентации, а также лиц, подозреваемых в педофилии. Подобные акции сопровождались видеофиксацией насильственных действий и последующим размещением соответствующих видеоматериалов в публичных каналах мессенджера «Telegram» с целью пропаганды и вербовки новых участников. Е.В. Киселев сознательно принял участие в деятельности вышеуказанного сообщества, осознавая его цели и характер совершаемых деяний, в том числе оказание силовой поддержки в ходе одной из таких акций, направленной против гражданина узбекской национальности. Участие Киселева выразилось в блокировании потерпевшего, создании условий для его избияния другим участником сообщества, и таким образом, в совершении согласованных действий в составе преступной группы по мотивам национальной и расовой ненависти [32].

В свою очередь, статья 282.3 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за финансирование экстремистской деятельности. Несмотря на формальное закрепление соответствующего правового запрета, правоприменительная практика демонстрирует затруднение в интерпретации и реализации положений данной нормы. Особую сложность вызывает необходимость разграничения состава преступления, предусмотренного статьёй 282.3 УК РФ, и состава, охватываемого статьёй 205.1 УК РФ, регламентирующей ответственность за финансирование террористической деятельности. Согласно пункту 1 статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», к числу проявлений экстремизма отнесены, в том числе, публичное оправдание терроризма и финансирование террористической деятельности [42]. Таким образом, финансирование терроризма, будучи формой экстремизма, формально подпадает под действие статьи 282.3 УК РФ, что создаёт коллизию между общей и специальной уголовно-правовыми нормами.

Тем не менее, анализ системной структуры уголовного законодательства позволяет сделать вывод о приоритетности применения статьи 205.1 УК РФ в случаях, когда деяние направлено на обеспечение террористической деятельности. Эта норма выступает в качестве специальной по отношению к статье 282.3 УК РФ, поскольку объектом её правовой охраны являются особые общественные отношения, связанные с обеспечением национальной и международной безопасности.

Так, например, Баймакский районный суд Республики Башкортостан признал виновным Ф.Ф. Биктимирова в совершении преступления, предусмотренного 282.3 УК РФ. Согласно установленным обстоятельствам, Биктимиров, осознавая противоправный характер деятельности сторонника сепаратистских идей осуществил три денежных перевода на банковскую карту, указанную в публичном обращении в социальной сети «Facebook». Указанное обращение содержало призывы к поддержке борьбы за создание так называемой «IV Башкирской Республики», то есть за отделение Республики Башкортостан от Российской Федерации, и содержало прямое указание на необходимость материальной помощи этой деятельности. Будучи активным участником сообщества, пропагандирующего идею отделения Башкортостана, Биктимиров осознанно, с прямым умыслом, направил перечисленные средства в размере 2000 рублей на указанный счёт, что сопровождалось текстовым сообщением поддержки: «Удачи, я с вами!». Судом установлено, что обвиняемый достоверно знал о том, что получатель средств продолжает реализацию противоправной идеологии, несмотря на привлечение его к уголовной ответственности и назначение наказания за аналогичные деяния. Экспертизы подтвердили, что в действиях Биктимирова прослеживается осведомлённость о целях использования переведённых средств, а также солидаризация с идеологией, направленной на подрыв конституционного строя и территориальной целостности Российской Федерации. Его активность в социальных сетях репосты, комментарии,

участие в дискуссиях свидетельствует о сформированной идеологической позиции и осознанной мотивации содействия преступной деятельности [28].

Российское законодательство об уголовной ответственности за финансирование экстремистской деятельности не содержит четкого определения минимального размера денежных средств, необходимый для признания деяния уголовно наказуемым. Отсутствие подобного критерия порождает правовую неопределенность в разграничении общественно опасных форм поведения, заслуживающих уголовной репрессии, и деяний, обладающих формальными признаками преступления. Согласно части 2 статьи 14 УК РФ: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» [38].

3.2 Предложения в области совершенствования законодательства об уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности

Наиболее существенной проблемой действующего законодательства в сфере противодействия экстремизму является неопределенность и правовая расплывчатость используемых формулировок, либо полное отсутствие четких понятийных конструкций. Как справедливо отмечается в научной литературе, экстремизм следует трактовать в первую очередь как идеологический феномен, характеризующийся радикальным отрицанием фундаментальных принципов правопорядка, общественной стабильности и основ конституционного строя. Его выражением становятся действия, сопряжённые с насилием, агрессией, пропагандой нетерпимости и вражды, имеющие целью подрыв государственности и разрушение устойчивых общественно-правовых институтов.

В таком контексте экстремизм приобретает значение мировоззренческой базы, из которой проистекают конкретные формы противоправного поведения - экстремистская деятельность. Под последней следует понимать совокупность деяний, воплощающих соответствующие установки в практической плоскости и реализуемых с использованием средств пропаганды, публичных выступлений, агитации, организации и участия в противоправных структурах.

Категория преступлений экстремистской направленности включает в себя как специальные составы, прямо содержащие указание на экстремизм в диспозиции - например, статьи 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 и 282.3 УК РФ, - так и составы преступлений, в которых мотив ненависти или вражды по признаку принадлежности к определённой социальной группе рассматривается в качестве квалифицирующего либо отягчающего обстоятельства, усиливающего общественную опасность деяния.

Вместе с тем в российской правовой системе наблюдается нормативное противоречие между положениями законодательства об экстремизме и нормами, регулирующими противодействие терроризму. Так, с одной стороны, террористическая деятельность объективно включает в себя акты, обладающие экстремистским содержанием. С другой стороны, экстремизм по своему содержанию значительно шире терроризма, поскольку охватывает не только деяния, связанные с применением насилия, но и действия, направленные на подрыв основ конституционного строя и возбуждение социальной розни.

Так, можно сказать, что обоснованным представляется вывод о том, что терроризм и экстремизм являются самостоятельными формами противоправной деятельности, различающимися по своей правовой природе, цели, способам реализации и степени общественной опасности. В этой связи возникает необходимость нормативного разграничения определения террористической деятельности, установленного в Федеральном законе от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» от

экстремистской деятельности. Террористическая деятельность в свою очередь по своему содержанию состоит из перечня уголовно наказуемых террористических преступлений:

- организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;
- подстрекательство к террористическому акту;
- организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности [41].

Представляется целесообразным закрепить в законодательстве положение, в соответствии с которым признание организации террористической допустимо исключительно в случае, если её деятельность выражается в организации, подготовке или непосредственном совершении террористических актов, пропаганде идей терроризма, а также если такие действия совершаются от её имени либо в её интересах лицом, осуществляющим фактический контроль за функционированием организации.

Совершение же деяний, отнесённых к преступлениям экстремистской направленности, предусмотренным статьями 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.УК РФ, не может служить достаточным основанием для признания организации террористической без наличия признаков терроризма в смысле статьи 205 УК РФ и сопряжённых с ней норм.

Дискуссионным и уязвимым элементом действующего уголовного законодательства в части противодействия преступлениям экстремистской направленности является такая оценочная категория, как «социальная группа». В юридической научной среде на протяжении последних лет последовательно ставится под сомнение использование данного понятия без его легальной дефиниции.

Научное сообщество обоснованно указывает на то, что отсутствие закрепленного в законе понятия «социальная группа» влечет за собой размытость квалификационных признаков состава преступления. Это, в свою очередь, ведет к расширительному, а нередко и произвольному толкованию диспозиций уголовно-правовых норм, создавая риск привлечения к уголовной ответственности лиц за высказывания, в том числе содержащие правомерную критику, не сопряжённую с реальной угрозой нарушения общественного порядка либо межгрупповой вражды.

Правовая неопределенность понятия препятствует однородному правоприменению, порождая ситуации, в которых к социальной группе могут быть отнесены самые разные объединения граждан от социальных и профессиональных категорий до произвольно определяемых совокупностей лиц, что в конечном итоге нарушает принципы справедливости, соразмерности наказания.

Под социальной группой следует понимать совокупность лиц, объединённых устойчивыми и социально значимыми признаками, основанными на общности интересов, целей или социального положения. Такие признаки могут включать возраст, пол, профессиональную принадлежность, национальность, вероисповедание, а также иные характеристики, отражающие социальную идентичность индивидов. Тем не менее, в действующем законодательстве данное понятие не получает легального закрепления, вследствие чего его применение остаётся на усмотрение правоприменителя. Отсутствие нормативных критериев приводит к тому, что в правоприменительной практике объектом защиты по статье 282

УК РФ могут необоснованно признаваться даже антисоциальные или противоправные сообщества, включая, например, наркоторговцев. Это вызывает серьёзные вопросы о границах допустимости уголовно-правовой охраны и ставит под сомнение соответствие такого подхода задачам защиты основ конституционного строя и безопасности государства [36].

В рамках отечественной уголовно-правовой доктрины термин «ненависть», несмотря на его активное использование как в нормативных правовых актах, так и в правоприменительной практике, до настоящего времени не получил нормативного определения. Отсутствие легальной дефиниции порождает существенные затруднения при квалификации деяний, отнесённых к преступлениям экстремистской направленности, поскольку создаёт предпосылки для субъективного толкования одного из ключевых признаков состава.

Ненависть в уголовно-правовом контексте следует понимать, как устойчивое, эмоционально насыщенное негативное отношение одного субъекта или группы лиц к другому субъекту или социальной группе, обусловленное признаками, имеющими социальную значимость. Ненависть проявляется как интенсивное чувство враждебности, отличающееся своей направленностью на унижение, дискредитацию или исключение другого индивида из сферы общечеловеческого достоинства. При этом следует различать ненависть как внутреннее психоэмоциональное состояние и вражду как социальное отношение, которое может носить устойчивый и долговременный характер. Как отмечают исследователи, в судебной практике оба термина «ненависть» и «вражда» зачастую употребляются как синонимы, и квалификация деяния не требует их разграничения [10].

Ключевым элементом, позволяющим отличить уголовно наказуемую форму ненависти от иных форм негативных чувств, является её выражение во внешне проявленных действиях, направленных на возбуждение или распространение данного чувства среди неопределенного круга лиц. Такие действия могут выражаться в публичных высказываниях, распространении

информации в сети Интернет, создании и распространении материалов, направленных на формирование враждебного образа носителей определённого признака.

Сомнения вызывает положение статьи 3.1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», согласно которому «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами». С одной стороны, данная норма направлена на обеспечение свободы вероисповедания, закреплённой в Конституции Российской Федерации. Однако с другой - фактически вводится перечень «правильных» религиозных источников, что может быть истолковано как законодательное предпочтение определённых религий. Кроме того, в статье отсутствует разъяснение, распространяется ли правовая защита на религиозные тексты, не признанные официальными писаниями, а также на их интерпретации или позднейшие дополнения. В целях реализации принципов светского государства, равенства религий и недопустимости дискриминации по признаку вероисповедания, представляется целесообразным отказаться от закрытого перечня религиозных источников, подлежащих исключению из возможного экстремистского анализа, либо обеспечить его нормативно обоснованную и нейтральную формулировку.

Особую значимость указанный элемент приобретает в условиях совершения преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. В частности, отдельные формы цифровой активности, такие как проставление отметки «нравится» или репост чужого материала, не могут автоматически рассматриваться в качестве уголовно наказуемого деяния. Особенно это справедливо в случаях, когда содержание распространяемого материала не носит признаков экстремизма или направлено на его осуждение и критику. Оценка подобных действий должна осуществляться с учётом контекста, целей пользователя и отсутствия умысла на возбуждение ненависти, вражды.

Вполне обоснована необходимость более активного применения механизмов административно-правового воздействия в сфере противодействия экстремизму, что, в свою очередь, позволит существенно снизить количество случаев необоснованного уголовного преследования лиц, действия которых не обладают достаточной степенью общественной опасности для признания их преступными. Такой подход согласуется с принципом справедливости и задачами уголовного закона.

В этой связи актуальным направлением реформирования уголовного законодательства, регулирующего вопросы противодействия экстремизму, должно стать устранение избыточной криминализации деяний, не отвечающих критериям преступления, предусмотренным статьёй 14 УК РФ, то есть не представляющих существенной угрозы общественным отношениям.

Представляется целесообразным внести дополнение в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», согласно которому мотив ненависти либо вражды в отношении социальной группы не подлежит инкриминированию, если объединение лиц в такую группу обусловлено исключительно противозаконными интересами либо преступной деятельностью. Следует дифференцировать случаи, когда объединяющим критерием выступают не противоправные цели. Данная поправка может снять давление со свободы слова и мысли со стороны широко интерпретируемых экстремистских составов.

С целью устранения нормативных противоречий и обеспечения единообразного подхода к квалификации деяний, отнесённых к экстремистским, представляется необходимым законодательное закрепление четких и однозначных дефиниций ключевых понятий, таких как «экстремизм», «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности», а также понятий «ненависть» и «вражда», «социальная группа».

Особое внимание следует уделить нормативному разграничению экстремизма и терроризма как двух самостоятельных правовых феноменов. Несмотря на их возможную идейную близость, данные явления имеют различную криминологическую природу и характеризуются отличающимися объективными и субъективными признаками. Ввиду этого представляется целесообразным исключить упоминание терроризма из сферы действия Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», поскольку правовое регулирование противодействия террористическим угрозам в полной мере охватывается положениями специализированного нормативного акта - Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

На основании вышеизложенного полагаем, что предложенные в настоящем параграфе исследования меры по совершенствованию действующего законодательства обладают высоким потенциалом для повышения эффективности уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности. Их реализация ведёт к укреплению правовой определенности в квалификации соответствующих деяний, устранению пробелов и коллизий в нормативном регулировании, обеспечению более единообразного и справедливого применения уголовного закона в судебной практике, а также поддержанию конституционных ценностей, в частности, равноправия, свободы слова и мысли.

Заключение

Подводя итог исследованию, посвященному рассмотрению вопросов, связанных с экстремизмом как явления в целом, так и отдельных форм его проявления, следует отметить, что в настоящее время законодательство в сфере противодействия экстремистской деятельности содержит множество недостатков и пробелов. Необходимо подчеркнуть, что в действующем законодательстве сохраняется отсутствие формулировки нормативного определения отдельных понятий, касающихся форм реализации экстремистской деятельности. Кроме того, на законодательном уровне не урегулированы ключевые аспекты, связанные с ограничением экстремистской и террористической деятельности. Приведем наиболее важные выводы настоящей работы.

Экстремизм представляется феноменом идеологического характера, выражающимся в предельной форме отрицания фундаментальных основ правового, общественного порядка и устойчивости государственного устройства. Его сущностной характеристикой является радикальная установка на подрыв конституционных устоев посредством провоцирования социальной розни, пропаганды насилия, а также распространения идей нетерпимости по различным основаниям.

Экстремистская деятельность характеризуется внешне выраженным негативным проявлением экстремистской идеологии через совокупность конкретных деяний, как административно, так и уголовно наказуемых, направленных на практическую реализацию установок, подрывающих основы правопорядка.

Преступления экстремистской направленности представляют собой одну из форм реализации экстремистской деятельности, под которой следует понимать совокупность общественно опасных действий, направленных на возбуждение политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды. Такие деяния охватываются как

нормами, в диспозиции которых прямо содержатся признаки экстремизма, так и составами с выраженным экстремистским мотивом. К данной категории относятся как преступления, систематизированные в главе 29 УК РФ, так и иные составы, в которых наличие мотива ненависти или вражды, предусмотренного пунктом «е» части 1 статьи 63 УК РФ, признаётся квалифицирующим либо отягчающим обстоятельством.

Недопустимо сохранять в законодательной дефиниции преступлений экстремистской направленности неопределённое и чрезмерно обобщённое понятие «социальная группа» без законодательного уточнения её существенных признаков. Использование данной конструкции в нормативном тексте без чёткого разграничения порождает значительные риски расширительного толкования, при котором под понятие «социальной группы» могут быть необоснованно подведены любые объединения лиц, не обладающие социально значимой однородностью, включая, к примеру, представителей различных профессий, участников субкультурных движений либо лиц, объединённых противоправной деятельностью. Подобная неопределённость способна повлечь произвольное применение уголовного закона и может привести к нарушению прав и свобод личности. В этой связи необходима нормативная детализация признаков, характеризующих социальную группу, с учётом её устойчивости, общественной значимости и внутренней идентичности.

В целях устранения выявленной нормативной конкуренции между законодательными положениями, регламентирующими противодействие экстремизму и терроризму, целесообразно обеспечить их четкое разграничение на уровне соответствующих федеральных законов. В частности, первоочередное значение придаётся внесению изменений в положения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». В рамках этой законодательной корректировки следует исключить из статьи 1 упоминание о террористической деятельности как одной из форм экстремизма, поскольку такое включение нарушает системную

согласованность правового регулирования и приводит к неоправданному пересечению сфер правового воздействия. Одновременно представляется необходимым отказаться от практики избыточного нормативного перекрестного цитирования между указанными федеральными законами, что позволит каждому из них выполнять свою самостоятельную функцию в сфере правового регулирования.

Представляется целесообразным применение мер административной ответственности за ненасильственную экстремистскую деятельность, особенно в тех случаях, когда деяние, несмотря на формальное наличие признаков состава, предусмотренного УК РФ, не обладает необходимым уровнем общественной опасности, достаточным для его квалификации как преступления. Законодатель уже взял курс на подобные реформы, в частности, введя для статей 282 и 280.1 УК РФ обязательное наличие административной преюдиции, что свидетельствует о признании важности разграничения уголовно-правовых и административных мер воздействия.

Уголовное право, как крайняя мера воздействия должно применяться исключительно к таким нарушениям, которые реально угрожают охраняемым законом общественным отношениям, поскольку иначе возникает риск необоснованного ограничения прав и свобод личности. Опора исключительно на уголовно-правовые средства не способна обеспечить устойчивые результаты в обеспечении общественной и государственной безопасности. В этой связи необходимым условием эффективного противодействия экстремизму является соблюдение принципов справедливости и соразмерности наказания. Одним из приоритетных направлений модернизации уголовного законодательства должно стать устранение избыточной криминализации деяний, не обладающих достаточной степенью общественной опасности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. 2018. № 4. С. 26-31.
2. Аравина А.А. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, совершенного в сети интернет // Вестник науки. 2024. № 5 (74). С. 416-422.
3. Асмандиярова Н.Р., Гарифуллина Р.Ф. Соотношение понятий экстремизма и преступлений экстремистской направленности // Аграрное и земельное право. 2023. № 1 (217). С. 125-126.
4. Беженцев А.А., Лебедев В.Р. Экстремизм и экстремистская деятельность: терминологические дискуссии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 36-40.
5. Безроков А.О. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовой анализ и вопросы систематизации: дисс. канд. юр. наук. Краснодар, 2014. 233 с.
6. Бодров Н.Ф. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений: монография / Н.Ф. Бодров, А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2024. 160 с.
7. Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. доктора юр. наук. Москва, 2012. 484 с.
8. Бычков В.В. Преступления экстремистской направленности: понятие, классификация, общие объективные и субъективные признаки, квалифицированные составы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 36-41.

9. Гончаренко К.Д., Салганова Е.А., Тараданов А.А. Экстремизм – религия нигилизма // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 107-112.

10. Горшков Д.Ю. Преступное возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: некоторые особенности объективной стороны // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 56-61.

11. Зварыгин В.Е., Кондаков А.С. Уголовно-правовые проблемы классификации преступлений экстремистской направленности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 2. С. 363-369.

12. Канунникова Н.Г. Актуальные проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности / Н. Г. Канунникова // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 3. С. 23-27.

13. «Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму» (Заключена в г. Астане 09.06.2017) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

14. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

15. Королёв Ю.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности: автореферат дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 168 с.

16. Коростелева Л.В. «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» в интерпретации лингвиста-эксперта // Юрислингвистика. 2024. № 33 (44). С. 73-77.

17. Кузнецов Р.Д. К вопросу о понятии публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 408-414.

18. Магнутов Ю.С. Современные стратегии противодействия специальным организованным формам экстремисткой деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 191-196.

19. Магнутов Ю.С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремисткой деятельности: законодательно-итерационные аспекты // Вестник ЮГУ. 2022. № 2 (65). С. 155-164.

20. Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дисс. канд. юр. наук. Екатеринбург, 2017. 177 с.

21. Малахов А.Г. Онтологические смыслы экстремизма в перспективе категоризации // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 2 (42). С. 232-238.

22. Новоселова А.Н., Зайцева А.А. Соотношение понятий «пропаганда» и «призыв» в контексте судебно-лингвистической экспертизы // законность и правопорядок. 2023. № 2 (38). С. 48-51.

23. Орлова Е.Ю. Виды преступлений экстремистской направленности в системе уголовного законодательства // Вестник магистратуры. 2019. № 7-2 (94). С. 154-156.

24. Печатнова Ю.В., Стародубцева М.А., Пинчук А.П. К вопросу о понятии экстремизма // Юрислингвистика. 2023. № 28 (39). С. 68-72.

25. Попов В.В. Вопросы систематизации составов экстремистских преступлений и преступлений экстремистской направленности // Вестник науки. 2023. №11 (68). С. 385-391.

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

27. Приговор Алагирского районного суда Республики Северная Осетия-Алания по делу № 1-196/2022 от 21.06.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/71491032> (дата обращения: 05.06.2025).

28. Приговор Баймакского районного суда Республики Башкортостан по делу № 1-126/2021 от 11.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/64542906/extended> (дата обращения: 05.06.2025).

29. Приговор Кировского районного суда г. Красноярск по делу № 1-564/2023 от 18.10.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/78739528> (дата обращения: 05.06.2025).

30. Приговор Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) по делу № 1-110/2020 от 08.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/52003513/extended> (дата обращения: 05.06.2025).

31. Приговор Советского районного суда г. Воронеж по делу №1-258/2022 от 21.02.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/67039862> (дата обращения: 05.06.2025).

32. Приговор Центрального районного суда г. Комсомольск-на-Амуре по делу № 1-512/2022 от 28.04.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/71454961/extended> (дата обращения: 05.06.2025).

33. Сулейманов Э.Э., Камалиева Л.А. Проблемы экстремизма в уголовном праве Российской Федерации // Скиф. 2021. № 5 (57). С. 373-377.

34. Темирханов М.А., Джумаев Т.Х. Значение экстремизма и его регулирование на законодательном уровне // Аграрное и земельное право. 2023. №3 (219). С. 155-156.

35. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. Том 1: А – Кюрины / Сост. Г.О. Винокур, проф. Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, проф. Д.Н. Ушаков; Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. 828 с.

36. Тростянецкая В.В. Понятие «социальная группа» как квалифицирующий признак статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник КРУ МВД России. 2021. № 2 (52). С. 51-55.

37. Тыдыкова Н.В. Проблемы квалификации возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, совершенных в сети Интернет // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 1. С. 35-40.

38. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

39. Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

40. Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

41. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Консультант плюс: справочно-правовая система.

42. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Консультант плюс: справочно-правовая система.

43. Федоров И.З., Михайлов А.Г. Особенности объективных и субъективных признаков экстремистских преступлений и преступлений экстремистской направленности: вопросы толкования и разграничения // Вестник РУК. 2019. № 4 (38). С. 151-157.

44. Хабаров В.А. К вопросу о понятии и классификации преступлений экстремистской направленности // Вестник КРУ МВД России. 2023. № 2 (60). С. 50-54.

45. «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001) (с изм. от 05.09.2003) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

46. Шерстюков С.А. Сущность экстремистской направленности преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 172-175.

47. Шетогулов П.А. К вопросу о понятии экстремистской деятельности // Вестник СГЮА. 2024. № 2 (157). С. 162-167.

48. Штефан А.В. Сущность экстремизма: социальный и криминологический аспекты // ИСОМ. 2021. № 5. С. 88-106.

49. Яворский М.А., Гордеев Д.С. Некоторые проблемные моменты определения понятий «Возбуждение ненависти либо вражды» и «Унижение достоинства человека» в контексте ст. 282 УК РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 211-215.

50. Яворский М.А., Гордеев Д.С. Социальная группа в контексте статьи 282 УК РФ: понятие и анализ правоприменительной практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 216-218.